

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Черное сердце

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х

Геннадий
СОРОКИН

Детектив-Ностальгия

Геннадий Сорокин

Черное сердце

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Черное сердце / Г. Г. Сорокин — «Эксмо», 2023 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-190750-1

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно. 1983 год. В учебной аудитории одного из сибирских техникумов обнаружен мертвым студент из Конго. Во избежание международного скандала следствие спешит сделать официальное заключение: смерть от инфаркта. Одновременно руководство УВД негласно поручает лейтенанту Андрею Лаптеву разобраться в случившемся. Сыщик выясняет, что смерть африканца наступила от удара электрическим током. Но самое странное: на месте преступления обнаружена кукла вуду с пронзенным иглой «сердцем». Что это – тайный ритуал разгневанных соплеменников или чей-то умелый розыгрыш? Лаптев погружается в студенческую атмосферу и узнает устрашающие подробности жестокого преступления... Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190750-1

© Сорокин Г. Г., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	8
1	8
2	13
3	16
4	21
5	24
6	28
7	32
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Геннадий Геннадьевич Сорокин

Черное сердце

© Сорокин Г.Г., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Черное
сердце

МОСКВА
2023

Часть первая Иностранцы

1

В воскресенье, 13 марта 1983 года, около 12 часов, в спортивном зале техникума пищевой промышленности начался очередной матч городских отборочных соревнований по баскетболу среди учащихся техникумов и ПТУ.

За право участвовать в полуфинале вышли бороться команды химического и машиностроительного техникумов. По правилам соревнований обе команды играли на нейтральной территории, выбираемой судейской коллегией путем жеребьевки. Зрителями были в основном учащиеся химического и машиностроительного техникумов, пожертвовавшие выходным днем, чтобы поддержать любимые команды. Посмотреть на игру пришли также несколько членов баскетбольной команды пищевого техникума. Особого интереса для них игра не представляла – они были уверены в победе своей команды – без сомнения, лучшей в городе.

К исходу первой четверти матча в спортзале появился высокий чернокожий мужчина по имени Жан-Пьер. Он был капитаном баскетбольной команды «Пищевик» и ее лучшим игроком. Места для вновь прибывшего зрителя на лавочках вблизи баскетбольной площадки не нашлось. Между площадкой и преподавательской – тоже. Усмехнувшись, Жан-Пьер пошел в угол спортзала. Пробриться сквозь толпу учащихся и тренеров для него не составило большого труда. Жан-Пьер действовал, как пассажир, опоздавший на утренний автобус. Уверенно, невзирая на протесты, он двинулся вперед, раздвигая толпу руками. Рассерженные бесцеремонной толкотней учащиеся разворачивались, чтобы высказать наглецу все, что о нем думают, но, увидев, с кем имеют дело, поспешно умолкали. Связываться с иностранцем никто не хотел.

Остановившись в последнем ряду зрителей, Жан-Пьер стал наблюдать за игрой. Позже один из учащихся пищевого техникума заметил, что, по его мнению, чернокожий пришел не полюбоваться игрой, не подметить особенности событий на площадке, а выискивал кого-то среди зрителей.

Осматривать спортзал из последних рядов Жан-Пьеру не составляло никакого труда. Он был по меньшей мере на голову выше самого высокого из зрителей. Рост его был 198 сантиметров, вес – больше ста килограммов. У него была черная, как гудрон, кожа, длинные, ниже колен, руки, выступающая вперед челюсть, короткие курчавые волосы. Жан-Пьер мог бы выступать моделью для советских карикатуристов. Именно такими, похожими на гориллу в человеческом обличье чудовищами художники сатирического журнала «Крокодил» изображали латиноамериканских диктаторов и их приспешников. Разумеется, герой карикатуры не мог быть негром – только латиноамериканцем. Чернокожие потомки бывших рабов в СССР были неприкосновенны.

Немного понаблюдав за игрой, Жан-Пьер направился к выходу, прошел через раздевалку спортзала в фойе и исчез. Вахтерша, шестидесятилетняя теть Даша, потом божилась, что не видела, как огромный чернокожий мужчина вышел из техникума. Как вошел – видела, куда делся после матча – нет.

Инспектор уголовного розыска Центрального РОВД Кискоров, подвижный психованный мальчик, выслушав вахтершу, пришел в ярость, набросился на нее с угрозами упрянуть в тюрьму до конца жизни. Старушка испугалась, заплакала.

– Нет моей вины, что он по техникуму шляться пошел! – сквозь слезы сказала она. – Я не обязана за каждым учащимся следить. Мужик этот, негр, из фойе пошел в сторону биб-

лиотеки, и больше я его не видела. Из учебного корпуса по главной лестнице спустилась толпа второкурсников, начался галдеж, суматоха, как тут за всеми усмотришь?

– Верю! – согласился уже успокоившийся Кисков.

На поэтажном плане техникума он отметил последнее место, где иностранца видели живым.

Тело гражданина Республики Конго Жан-Пьера Пуантье в понедельник, 14 марта, обнаружил преподаватель Рыжов. Примерно в 7 часов 50 минут он вошел в техникум. Получив у вахтерши ключи от кабинета «Машины и оборудование предприятий пищевой промышленности», сокращенно называемого МОПП, прошел в одноэтажный корпус, открыл дверь кабинета, включил свет, сделал шаг внутрь и замер, пораженный увиденным: на полу, в дверном проеме между учебными классами, лежал лицом вниз огромный негр в импортном спортивном костюме «Пума». На ногах у иностранца были престижнейшие кроссовки «Адидас», на правой руке – японские часы «Ориент».

Рыжов несколько секунд приходил в себя, потом опустился около неподвижного тела на корточки, проверил пульс на шее студента. Пульс не прощупывался, кожные покровы были холодными на ощупь. Сомнений не оставалось – Жан-Пьер был мертв. Рыжов закрыл кабинет на ключ и поспешил доложить об увиденном директору техникума.

Директор, пятидесятипятилетняя Августа Ивановна Романова, пришла в ужас:

– Господи, зачем же он в техникуме умер? Не мог на улице скончаться? Знала я, знала! С самого начала знала, что эти иностранцы нас до добра не доведут. Сергей Мефодиевич, около него крови нет?

– Я его не переворачивал, что у него на груди – не видел, а так следов насилия нет.

– Может, это инфаркт, сердце? – с надеждой спросила директор техникума.

– Все может быть! – охотно согласился Рыжов. – Только есть одна проблема – дверь в кабинет была закрыта на ключ.

Романова позвонила в милицию, потом доложила о происшествии в отдел по руководству учебными заведениями облисполкома. Через несколько минут о ЧП стало известно дежурному по областному управлению КГБ. Дежурный немедленно доложил о происшествии начальнику управления.

– Передай директору техникума, – распорядился главный чекист области, – никому о смерти иностранца – ни слова! Занятия в этом кабинете отменить, никого до нашего приезда не пускать.

Его указание осталось невыполненным. Первыми на место происшествия прибыли сотрудники Центрального РОВД, возглавляемые начальником отдела полковником милиции Шаргуновым.

Предварительный осмотр места происшествия показал, что тело Жан-Пьера Пуантье видимых повреждений не имеет. Дорогие импортные часы, фирменные кроссовки – на месте. В карманах трико сотрудники милиции обнаружили ключ от комнаты в общежитии и начатую пачку сигарет «Мальборо» в мягкой упаковке. Спичек при себе покойный не имел.

– Чтобы я так жил! – воскликнул оперуполномоченный Кисков. – Мне на такие кроссовочки надо месяц копить. Не есть, не пить...

– Заткнись! – оборвал его начальник криминальной милиции отдела Васильев.

– Версия ограбления отпадает, – вполголоса сказал Шаргунов. – Крови под телом нет. Потерпевший при падении ударился лицом о пол, разбил нос и губы, но крови нет. Это могло произойти в одном-единственном случае – если сердце потерпевшего остановилось еще до падения. Осипов, что у тебя?

Эксперт-криминалист Осипов показал на тестоделительный аппарат.

– Вот конструкция, похожая на куклу с иглой в груди.

– Такой куклой ни один ребенок играть не будет, – возразил начальник криминальной милиции. – Это какой-то набор тряпочек, связанных веревочками в форме человечка.

– Кукла вуду! – воскликнул Кискоров.

– Ты сегодня заткнешься или нет? – зарычал Васильев.

– Подожди! – остановил его Шаргунов. – Продолжай.

Кискоров, приободренный поддержкой начальника милиции, выложил свою версию событий в кабинете МОПП:

– Негр зашел в кабинет, увидел куклу вуду с иглой в груди и умер на месте от страха. Он же чернокожий, из Африки. Он должен верить в колдовство. Для нас эта кукла – просто тряпка, а для него...

– С чего ты решил, что эти тряпки – кукла вуду? – спросил Васильев. – Ты что, специалист по африканской магии?

Шаргунов заметил, что эксперт хочет что-то сказать.

– Говори! – предложил начальник милиции.

– Я тоже думаю, что эти связанные в фигурку человечка тряпки, – кукла вуду. Только кукла, если она не оживает по ночам, не могла закрыть входную дверь. В остальном у Кискорова версия правдоподобная. Крови-то нет!

– Как тяжело жить в стране советской, когда вокруг тебя столько дебилов! – не то со злостью, не то с сожалением сказал Васильев. – Вы глаза разуйте! Этот модно одетый молодой человек похож на дикаря, выбравшегося из джунглей? Сидел под пальмой, делился с обезьянами кокосами, потом подумал и поехал учиться в СССР. Так, что ли? Вы в бумаги посмотрите. Потерпевшего зовут Жан-Пьер. Его фамилия не Мумбо-Юмбо, а Пуантье. Он из франкоговорящей семьи. Его родители во всем ориентировались на бывшую французскую колониальную администрацию. Они дали сыну французское имя, чтобы он мог с легкостью влиться в европейское общество. А вы – вуду! Кукла! Магия!

Васильев в разговоре с подчиненными никогда не выбирал выражений, мог откровенно нахамить. Сотрудники отдела привыкли к его вызывающему поведению и на повседневную хулу внимания не обращали. Шаргунов же, напротив, никогда никого не оскорблял. Среди начальников районных отделов милиции он был белой вороной – матом не ругался, никогда не повышал голос на подчиненных. Он даже с задержанными уголовниками говорил вежливо и учтиво. Но стоило ему начать разговор, как любой преступник тут же чувствовал железную хватку на своем горле. В тандеме Шаргунов–Васильев начальнику криминальной милиции отводилась роль тарана, «адвоката дьявола», всегда во всем сомневающегося оппонента. Шаргунов в их связке выступал в роли арбитра, чье мнение не обсуждалось.

– Позволю себе возразить, – дерзко ответил Васильеву Кискоров. – У нас в отделе все коммунисты-комсомольцы, безбожники и атеисты, но как прижмет, так креститься начинают и приговаривают: «Господи, помоги!» Почему же он, негр с французским именем, не мог верить в культ вуду, в культ его предков?

– В споре рождается истина, – вмешался в разговор Шаргунов. – Кискоров, посмотри, у него на шее есть крестик или нет?

– Судмедэксперт приедет – стонать начнет, что мы тело потревожили, – предупредил Васильев.

– Мы проверим крестик и вернем тело назад.

Покойник, выросший в католической семье, носил нательный крест на тонкой золотой цепочке.

– Теория с вуду отпадает, – сделал вывод Шаргунов.

Кискоров не собирался сдаваться:

– Предположим, дело было так. В кабинет вошли двое. У одного из них с собой была кукла. Он встал сюда, около этого аппарата, выхватил куклу и на глазах у Жан-Пьера воткнул

в нее иглу. Жан-Пьер от неожиданности испугался и умер, а владелец куклы вышел, никем не замеченный, и закрыл за собой дверь на ключ.

В дверь требовательно постучали. Шаргунов велел Кискорову открыть. Вместо судебно-медицинского эксперта с санитарями в кабинет вошли трое мужчин похожей наружности.

– Кто вам позволил сюда входить? – вместо приветствия спросил один из них.

– Я в своем районе ни у кого разрешения спрашивать не буду, – миролюбиво ответил Шаргунов.

– Было указание никому раньше нас не входить.

– А вы, собственно говоря, кто такой? – пошел в атаку Васильев.

– Я представитель Комитета государственной безопасности, – гордо ответил незнакомец.

– Я догадался, что вы не легат папы римского в Западной Сибири. Документы у вас есть?

Контрразведчик помялся секунду, с явной неохотой достал удостоверение, не открывая, показал.

– Внутри что написано? «Старший прапорщик погранвойск»?

Васильев умышленно шел на конфликт, вызываящим поведением прикрывая Шаргунова. В случае межведомственного скандала вся вина должна была пасть на него, а не на начальника милиции.

Чекист раскрыл книжечку.

– «Капитан госбезопасности Сергеев, – вслух зачитал Васильев. – Офицер по особым поручениям при начальнике Областного управления КГБ». Круто! Хотел бы я быть офицером по особым поручениям. Ездишь по городу, передаешь указания, а сам ни за что не отвечаешь.

Сергееву не понравилась наглость милиционера. Он вновь напустил на себя многозначительный вид и строго спросил:

– Кто дал вам право входить сюда до приезда специально уполномоченных лиц?

Ответил Шаргунов:

– Согласно приказу министра внутренних дел СССР, я, как начальник милиции, обязан лично выезжать на все тяжкие преступления либо преступления, которые могут иметь общественный резонанс. Наш новый министр, ваш бывший коллега, данный приказ еще не отменял.

Повисла неловкая пауза. Две группы мужчин, явно настроенных враждебно друг к другу, стояли около тела чернокожего студента и не знали, как выйти из положения.

Для человека непосвященного сложившаяся ситуация может показаться абсурдной: представители двух правоохранительных органов вместо того, чтобы совместно заняться раскрытием преступления (если оно было), взялись выяснять, у кого из них больше прав и кто что должен делать на месте происшествия. Но таковы были реалии зимы 1983 года! Пришедший к власти в партии и стране бывший председатель КГБ СССР Андропов снял с поста министра МВД своего давнего недруга и соперника Щелокова. На его место был назначен генерал армии Федорчук, бывший преемник Андропова на посту главного чекиста страны. Федорчук откровенно ненавидел все связанное с милицией, своих подчиненных презирал. По указанию Андропова он начал «чистку» органов внутренних дел, вылившуюся в череду необоснованных увольнений руководящих кадров МВД СССР. До прихода Андропова к власти отношения между сотрудниками КГБ и МВД оставались в рамках корректного взаимодействия, носили строго официальный характер. После репрессий, начатых Федорчуком, о былом взаимодействии между чекистами и милицией речь больше не шла.

Затянувшееся противостояние разрешилось само собой. Приехал судмедэксперт, следом за ним – следователь прокуратуры. Дежурным судмедэкспертом был Самуил Поклевский. Следователя прокуратуры Шаргунов не знал. Рано лысеющий молодой мужчина совсем недавно перевелся в областной центр из провинции и еще не успел познакомиться с руководством районной милиции.

– О, какой загорелый паренек! – весело воскликнул эксперт, увидев труп. – Что тут у нас? Нож в спине не торчит, голова на месте. Так что же с ним?

Осмотрев тело, эксперт сделал предварительное заключение:

– Смерть наступила от острой сердечной недостаточности.

– Мирный труп? – уточнил следователь прокуратуры. – Тогда мне здесь делать нечего. У меня в прокуратуре дел полно.

Прижимая «дежурную» папку к груди, следователь поспешно вышел из кабинета.

– погоди, – попытался остановить его Поклевский, – осмотр трупа кто писать будет?

– Да ладно, чего там! Я напишу, – нашел выход из положения Васильев.

– Если следов насильственной смерти нет, то...

Чекисты переглянулись между собой и поехали в управление – докладывать об отсутствии криминальной составляющей при обнаружении трупа.

– Шум поднимать раньше времени не будем, – решил осторожный Шаргунов. – Давайте подумаем, как нам незаметно вынести тело.

– В смежном кабинете, – сказал эксперт-криминалист, – есть дверь на улицу. Судя по всему, запасной выход. Если подогнать вплотную к дверям машину из морга, то никто на нас особого внимания не обратит.

Кискоров пошел за ключом от запасного выхода. Минут через десять вернулся озадаченный.

– Нет ключей! Завхоз техникума клянется, что эту дверь не открывали со дня сотворения мира.

– Пошли своего завхоза куда подальше! – отозвался от входа Осипов. – Эту дверь открывали совсем недавно, не более недели назад.

– Мать его! – выругался Кискоров и выбежал в коридор.

Вернулся раскрасневшийся от мороза, запыхавшийся от бега.

– Я осмотрел дверь с той стороны, – доложил он Шаргунову. – Ее вчера открывали. Снег с крыльца сдвинут сантиметров на сорок. Бочком пройти можно.

– Мне подгонять туда машину или нет? – спросил судмедэксперт, закончивший диктовать протокол осмотра трупа.

– Подгонять, – отозвался Осипов. – Я отмычками вскрою замок, потом изыму его на исследование.

Санитары погрузили тело на носилки и понесли к запасному выходу. Кискоров остался работать в техникуме, Шаргунов и Васильев уехали в отдел.

2

Самуил Поклевский начал вскрытие трупа Пуантье в 15 часов 14 марта 1983 года. Работа предстояла рутинная, санитары в его команде были опытные, но с самого начала все пошло не по плану. Весть о том, что в морг доставили огромного африканца, со скоростью молнии облетела бюро судебно-медицинских экспертиз, и в прозекторскую под надуманными предлогами потянулись девушки и женщины. Нездоровое любопытство влекло их, заставляя на время забыть о нормах приличия и строгой пуританской морали. Поклевский понял, что, пока все желающие не осмотрят тело, работать ему не дадут.

– Пять минут перерыв! – скомандовал он.

Женский персонал бюро судебно-медицинских экспертиз условно делился на три большие группы. Первая работала с живыми лицами, вторая – в морге, третью составляли сотрудницы административного аппарата и лабораторий. Женщины из третьей группы подходили к телу на прозекторском столе с опаской, словно покойник мог вскочить и схватить зазевавшуюся девушку за руку. Врачи и санитарки из отдела живых лиц были увереннее, а сотрудницы морга вовсе не церемонились, подходили к трупу вплотную, бесстыдно рассматривали то, что их интересовало. Молодые женщины и девушки, независимо от группы, при виде детородного органа потерпевшего хихикали в ладошку, перешептывались, долго у тела не задерживались. Зрелые женщины санитаров не стеснялись, открыто обсуждали размеры мужского достоинства бывшего студента, отпускали скабрзные шуточки.

Последней в прозекторскую забежала санитарка морга Зина.

– Фу, успела! Вы еще не начали? О чем тут все толкуют?

Она подошла к столу, мельком глянула на африканца, поморщилась, словно раскусила не тронутую морозом горькую ягоду рябины.

– Господи, было бы о чем говорить! Знала я одного мужика...

– Все! – хлопнул в ладоши Поклевский. – Дверь закрыть, никого больше не впускать. Кто не успел – тот опоздал. Если кто-то не удовлетворил любопытство, пусть приходит после вскрытия. Покойник не убежит, лишнее ему не отрежем.

Слова Поклевского и санитары, и многоопытная Зина восприняли не как черный юмор, а как обычную констатацию фактов. Покойник действительно никуда не убежит, лишних разрезов на нем никто делать не будет. Работа с мертвыми телами имела свои особенности, одной из которых было отсутствие шуток на «производственные» темы.

– Начали! – скомандовал старший санитар и взялся за пилу.

Первый этап исследования трупа шел по плану, но как только Поклевский вынул из груди Пуантье сердце, так тут же все переменялось.

– Вот ведь! – воскликнул эксперт. – Да тут инфарктом и не пахнет!

По его указанию санитар вызвал двух самых опытных патологоанатомов морга. Они целый час колдовали над сердцем и пришли к неожиданным выводам. Пригласили в прозекторскую начальника областного бюро судебно-медицинских экспертиз профессора Кишиневского.

– Что у вас стряслось? – недовольно спросил Кишиневский.

Рабочий день подходил к концу. Начальник экспертов уже видел себя за семейным столом, с вилкой в руке. В понедельник его жена пообещала приготовить на ужин утку по-пекински, деликатесное блюдо, под которое можно и бокальчик хорошего вина пропустить.

– Он умер от поражения электрическим током, – сказал Поклевский. – Никаких следов естественной сердечной недостаточности нет.

– Как током? – не понял Кишиневский. – Его же нашли лежащим в дверном проеме. Откуда там электричество?

Поклевский велел санитарам перевернуть тело на живот.

– Вот вход, – показал он на две крошечные, едва заметные точки, – а вот выход. Электрическая дуга небольшой мощности прошла со стороны спины через сердце и остановила его. Я не специалист по электричеству, но навскидку могу сказать, что если бы его шарахнуло током от обычной розетки, то на теле были бы видны следы от ожогов... При наружном исследовании трупа я этих крохотных точек даже не заметил. Потом стал искать место входа дуги и нашел.

– Он чернокожий, вот и не видно ожогов, – в задумчивости сказал Кишиневский. – Какое расстояние между точками? Три сантиметра? Что же это может быть? И почему от несильного разряда у него остановилось сердце? Здоровенный ведь мужичище, спортсмен, а сердечко оказалось слабеньким.

– Как бы то ни было, это убийство, – заявил Поклевский. – Я выезжал на место обнаружения трупа. Там никаких проводов из стен не торчало.

После недолгого раздумья Кишиневский принял решение.

– Всем оставаться в прозекторской, – приказал он. – В помещение никого не впускать, причину смерти иностранца не комментировать. Поклевский, вместо тебя сегодня отдежурит другая бригада. Заканчивай вскрытие и будь готов к приему гостей.

О причине смерти Пуантье Кишиневский сообщил дежурному КГБ, Шаргунову и начальнику городского УВД. Первым в морг примчался Шаргунов.

– Самуил, ты про какое электричество толкуешь? – с порога спросил он. – Ты же сам в техникуме был и видел, что там даже розетки рядом нет. Как его могло током ударить, да еще в спину?

Поклевский растопырил средний и указательный пальцы, ткнул ими в свою ладонь. Шаргунов автоматически повторил жест Поклевского.

– Ты хочешь сказать, – озадаченно сказал начальник милиции, – что некто один конец электропровода воткнул в розетку, а вторым концом прикоснулся к спине потерпевшего? Ты посмотри на него! Разве такой здоровяк подпустит к себе чужого? У него на физиономии написано, что он осторожен, как зверь.

– Электричество было не из городской сети, – добавил неясностей эксперт. – Сила тока при соприкосновении с телом была небольшой, но достаточной, чтобы сердце сжалось и больше не разжималось.

– Как жаль, что я в техническом вузе не учился! – воскликнул Шаргунов. – Сейчас бы сообразил, что за абракадабру ты несешь. Самуил! Поясни: если электричество не из розетки, то откуда оно взялось? Его же не шаровая молния поразила.

– Я судебно-медицинский эксперт. Не электрик, не следователь и даже не постовой милиционер. Мое дело – исследовать труп, дать заключение, а выяснять, что да как, в мою компетенцию не входит.

– Остальные органы у него в порядке? – поменял тему Шаргунов.

– Здоров как бык, если не считать следов травматических повреждений. Вот тут, слева по реберной дуге, у него шрам. Я думаю, что это след от пулевого ранения. На лбу, под волосяным покровом, еще один небольшой шрам.

– Когда он их получил?

– Пуля чиркнула ему по ребрам много лет назад, а в лоб он получил относительно недавно. Рубец на голове тонкий, кости черепа под ним не повреждены. Скорее всего, в прошлом году кто-то ударил потерпевшего по голове палкой с ребристыми краями.

За окном мелькнули фары подъехавшего легкового автомобиля. Посмотреть на загадочно погибшего иностранного студента и выслушать объяснения Поклевского прибыл первый посетитель. Им оказался начальник областного УВД генерал Безруков, за ним в морг приехали прокурор города и прокурор Центрального района, сотрудник КГБ Сергеев, инструктор

из обкома партии Дивеев, начальник управления хлебопекарной промышленности Кирсанов и его заместитель.

Осмотрев труп, Кирсанов заявил, что в техникуме пищевой промышленности незащищенных электрических сетей нет. За ними следом приезжал еще кто-то, и все, как один, требовали от судмедэкспертов молчать о причине смерти Пуантье. У гражданских чиновников управления хлебопекарной промышленности Шаргунов по указанию генерала собственноручно взял подписку о неразглашении тайны следствия. К представителю партии Шаргунов подходить не стал. Партия сама знает, что можно выносить на суд общественности, а что нет.

После того как гости разъехались, в прозекторской остались Шаргунов и Поклевский.

– Самуил, я вижу, что ты устал, что тебе надоело весь вечер говорить одно и то же. Но будь другом, удели мне минутку внимания. Как ты думаешь, откуда взялось электричество? Преступники принесли с собой трансформатор, который понизил напряжение в сети?

– Я думаю, что это был мощный аккумулятор.

Шаргунов согнул руки в локтях перед собой, словно держал на них тяжелый автомобильный аккумулятор.

– Ты хочешь сказать, что преступников было двое? – спросил он. – Первый шел с аккумулятором, второй – с проводом с оголенными концами?

Эксперт тяжело вздохнул:

– Я уже, кажется, объяснял...

– погоди! Ладно, согласен, – перебил его Шаргунов. – Ты не электрик и не следователь, но ты, Самуил, – умнейший мужик! Если ты считаешь, что потерпевшего шарахнули током от аккумулятора, значит, так оно и было. Оставим эту тему. Скажи мне вот что: почему от какого-то аккумулятора у него остановилось сердце?

– Проведем химические исследования, скажу точнее, а пока мое неофициальное мнение – он был предельно возбужден. Сердце его работало учащенно, с каждым ударом прогоняло через себя большой объем крови. От удара током оно резко сократилось, а расправиться снова не смогло. У вас когда-нибудь ногу судорогой сводило? У потерпевшего, образно говоря, сердце судорогой свело, и он мгновенно умер.

– Кукла вуду, – забыв о собеседнике, пробормотал Шаргунов. – Кроме куклы, в кабинете МОПП больше ничего необычного не было. Хотя... Кто-то же закрыл за ним дверь. Самуил, его могли напугать? Представь, он входит в соседний класс, а тут из-за угла неожиданно выпрыгивает человек в африканской маске и как заорет: «А-а-а!» Да еще кукла в руках.

– Он умер не от страха, не от разрыва сердца, а от удара электрическим током. Больше я пока ничего говорить не буду, подожду результатов химического исследования.

3

Ночью в областном центре кипела работа. Начальники различных ведомств спешили доложить в Москву о чрезвычайном происшествии и запросить инструкции для дальнейших действий. Первым до столичного руководства дозвонился начальник областного управления КГБ. Куратор направления внимательно выслушал его и сказал:

– Задумка разом опрокинуть всю милицейскую верхушку области неплохая, но палка, как известно, о двух концах. Кто должен осуществлять надзор за иностранцами? Мы. Давай не будем спешить и понаблюдаем, как будут развиваться события. Пусть милиция землю роет, раскрывает преступление. Это, в конце концов, их обязанность, не наша. Раскроют преступление – хорошо, нет – тоже неплохо. Будет с чем к Федорчуку идти. Но в любом случае информация о насильственной смерти иностранца не должна распространиться по городу. Официальная причина его смерти – инфаркт.

При докладе в Москву генерал Безруков подстраховался дважды. По обычному телефону он звонить не стал. На связь с руководством вышел по каналам высокочастотной засекреченной связи. Сообщать куратору областного управления генерал не стал, а напрямую обратился к его начальнику, высокопоставленному сотруднику центрального аппарата МВД, с которым был знаком лично. Собеседник генерала считался человеком Щелокова, то есть ему можно было доверять. С вновь назначенным куратором области Безруков откровенничать бы не стал – себе дороже. Новые назначенцы в центральном аппарате были или лично подобраны министром Федорчуком, или являлись кадровыми сотрудниками КГБ, временно прикомандированными в Министерство внутренних дел для «наведения порядка». Волк в овечьей шкуре всегда останется волком, чекист – чекистом, а им, доблестным наследникам Железного Феликса, Безруков не доверял. Даже «соседу» – начальнику областного управления КГБ – не верил, хотя на заседаниях бюро обкома они сидели рядом, иногда обменивались безобидными шуточками по поводу выступающего. Всякий раз, когда Безруков встречал «соседа», его подмывало спросить: «Ну как, много на меня компромата насобирал?»

«Человек с камнем за пазухой не может быть другом, даже если он улыбается тебе и говорит о деловом взаимодействии», – подумал Безруков, рассматривая бетонные стены бункера правительственной связи.

Наконец телефон ответил. Собеседник выслушал генерала, пообещал ответить через пару часов, после консультаций с Управлением международных дел. В ожидании звонка Безруков выпил бесчисленное количество чашек кофе, выкурил полпачки сигарет, пришел в дурное расположение духа.

«Я тут сижу, звонка жду, а Шаргунов уже поужинал и спать лег? Так не пойдет!» – решил генерал и вызвал начальника милиции Центрального района.

Шаргунов в эту ночь спать еще не ложился. Вызов на пункт связи застал его на рабочем месте. Через двадцать минут он был у генерала.

– Еще раз доброй ночи! – вышел на связь московский босс. – Ты хорошо осведомлен об обстановке в Республике Конго?

– Конечно! – полным издевки голосом ответил Безруков. – Каждый день конголезские газеты читаю, за новостями молодой развивающейся республики слежу.

Человек на другом конце провода на сарказм внимания не обратил.

– Слушай краткий расклад, – сказал он. – В 1979 году в Конго в результате внутривластного переворота пришел к власти Дени Сассу-Нгессо, большой друг нашей страны, марксист, стойкий сторонник строительства социализма. Его жесткие методы руководства не всем нравятся. В партии началось брожение, но явной оппозиции пока нет. Подожди, в справку гляну. О, вот оно! Правящей и единственной партией в Конго является Конголезская партия труда.

Партию возглавляет Дени Сассу-Нгессо, вторым секретарем столичной партийной организации является Франсуа Пуантье, отец покойного Жан-Пьера Пуантье. Сейчас Пуантье-старший мутит воду, хочет изменить состав ЦК партии. Сассу-Нгессо давно бы ему голову свернул, но опасается международной реакции на продолжение репрессий. Теперь давай посмотрим на события в Сибири с африканской колокольни. Влиятельный партийный чиновник посылает сына учиться в СССР, оплот прогрессивного человечества. Сына убивают. Если ты найдешь преступника, то смерть Жан-Пьера Пуантье – это обычное преступление, не имеющее под собой политической подоплеки. В любом государстве совершаются преступления, даже в нашем. Но! Если преступник не будет установлен и привлечен к суду, то отец покойного и стоящие за ним силы могут расценить это как заказное убийство, происки Сассу-Нгессо. Чуешь, чем пахнет? Грянет международный скандал. Сассу-Нгессо, чтобы отвести от себя подозрения, потребует привлечь к ответственности лиц, позволивших преступникам остаться безнаказанными. «Дядя Федя» воспользуется этим и с нас головы снимает. Выбор у тебя невелик: или ты в течение суток найдешь убийцу, или студент умер от инфаркта. Мне завтра что начальнику главного управления докладывать?

– Умер от инфаркта.

– Учти: все связанные с его смертью документы должны быть в полном порядке. В заключении судебно-медицинской экспертизы должно быть подробно описано повреждение сердца и все такое.

– Как я заставлю Кишиневского изменить заключение? Я ему не начальник.

– Поговори, объясни международную обстановку.

– Я-то поговорю, только если он не дурак, то пошлет меня куда подальше. Случись что, ему за подделку заключения под суд идти, и никакие отговорки про конголезские дела не помогут.

– Я сказал, а ты – делай! – голос собеседника вдруг стал жестким, как сталь. – Поработай с партийными органами, объясни ситуацию. Я тебе помочь ничем не смогу. Завтра, запомни, завтра мы проинформируем конголезское консульство о смерти гражданина Республики Конго. Действуй! У тебя в запасе почти сутки. За это время можно горы свернуть, любое заключение переделать.

Генерал положил трубку и с досады сплюнул на бетонный пол.

– Мать его! Понагнали иностранцев в Сибирь, а нам потом расхлебывай!

Шаргунов засмеялся. Безруков с недоумением посмотрел на коллегу:

– Что с тобой? Нервы сдали? Крыша от перенапряжения поехала?

– Нет, товарищ генерал, я вот о чем подумал. У нас неизвестно кто и не понять за что убил африканца, и тут же пыль до потолка. ЧП! В Москву докладывать. Интересно, если в Америке негра убьют, кто-нибудь это заметит кроме патрульных полицейских? Приедет конголезец в Нью-Йорк, его местные мафиози прихлопнут, и что, в Вашингтоне по этому поводу чиновники спать не будут? ФБР на ноги поднимут, ЦРУ подключат?

– Оставь лирику при себе! Нам надо выработать план, как выкручиваться будем. Поехали в управление. Посидим. Подумаем.

Под утро Шаргунов и генерал допили бутылку коньяка, набили доверху окурками пепельницу и разработали многоходовой план.

С началом рабочего дня приступили к действию.

Около 10 часов утра Безруков принял второй секретарь обкома партии Мерзликин. Выслушав генерала, он воскликнул:

– Конечно, поможем! О бездействии не может быть и речи. Убийство африканского студента ляжет на нас несмываемым пятном. Дойдет до ЦК партии, до Международного отдела – жди комиссию с проверкой! Комиссии, как известно, приезжают с одной целью – выявить недостатки и наказать виновных. За Кишиневского, товарищ генерал, не беспокойтесь. Я поговорю

с ним. Но есть один вопрос, который нам необходимо обсудить. Представим, чисто гипотетически, что убийство студента – это дело рук Сассу-Нгессо. Напрямую по конкуренту он ударить не может, вот и решил выбить у Пуантье почву из-под ног через убийство сына. Как вам такой вариант? Приехали наемники из Конго и ликвидировали Пуантье-младшего.

– Кого в СССР пошлет Сассу-Нгессо? Негров, что ли?

– Не надо утрировать! Что, в Конго европейцев не осталось?

– Республика Конго – франкоязычная страна, – напомнил генерал.

– Что вы мне постоянно какие-то препоны ставите? – возмутился Мерзликин. – То негры, то французы. Предположим, Сассу-Нгессо обратился с деликатной просьбой к руководству Ливии или Алжира. В Москве полно студентов из арабских стран. Прогуляют пару дней, никто не заметит. Как вам такой вариант? Что мы будем делать при самом неблагоприятном развитии событий?

– На случай разоблачения неверно поставленного диагноза у нас есть запасной план. В первом варианте студент умер от инфаркта. Во втором варианте мы с целью разоблачения преступников умышленно сфальсифицировали диагноз. По моему указанию начальник Центрального РОВД Шаргунов заведет дело оперативной разработки, одним из пунктов в котором как раз и будет обнаружение фальшивого диагноза. То есть заключений судебно-медицинской экспертизы будет два: в одном смерть Пуантье наступила по естественным причинам, во втором – от удара электротоком. Второй вариант предусматривает убийство по бытовым мотивам. Любые попытки придать этому делу политическую окраску натолкнутся на куклу вуду. Согласитесь, не могут марксисты проводить межфракционные разборки с помощью колдовства и магии.

– Генерал! – От возмущения Мерзликин пропустил обращение «товарищ». – Выбирайте выражения! Что значит «разборки»? Что за подзаборный жаргон? Марксисты по определению не могут «проводить разборки». Между партийными фракциями может быть дискуссия, внутрипартийная борьба, неправильное понимание основ марксизма, но ни в коем случае не «разборки»! Куда ваш начальник политотдела смотрит? Пригласите его ко мне, я объясню ему разницу между яблоком и червяком в яблоке.

– Прошу прощения. Это я оговорился, а начальник политотдела...

– Политотдел – это орган партии! – жестко прервал генерала Мерзликин. – Нечего выгораживать бездельников в полковничьих погонах.

– Товарищ Мерзликин, я...

– Вы о чем-то решили со мной поспорить? – угрожающим тоном спросил коммунист № 2 в области. – Работайте, товарищ генерал, и в партийные дела не вмешивайтесь. О Кишиневском не беспокойтесь. Я сегодня же переговорю с ним. Если не поймет, заупрямится, то положит партбилет на стол и пойдет искать новую работу. На его место много желающих.

Генерал Безруков вышел из обкома, постоял минуту на крыльце, посмотрел, как сквозь тучи в мартовском небе пробивается солнце.

«Прошла зима, настанет лето – спасибо партии за это! Шаг влево, шаг вправо – конвой стреляет без предупреждения. Политотдел – это орган партии. Только партия знает, что правильно, а что ложно. Конголезские марксисты могут расстреливать соратников по партии, а «разборки проводить» никогда не станут. «Разборки» – это не марксистский метод. Маркс на подзаборном жаргоне не выражался. Ему некогда было. Он о счастье человечества мечтал».

Приехав в управление, генерал позвонил Шаргунову: «Действуй!»

Вечером Шаргунов приехал в морг. Поклевский, как и начальник РОВД, дома еще не был.

– Мастерски вы руки Кишиневскому выкрутили! – вместо приветствия сказал Самуил. – Все это здорово, идея с оперативной игрой оригинальна и правдоподобна, но есть подводные

камни, которые могут обрушить всю конструкцию. Итак, как я понял, у нас будет два заключения судебно-медицинской экспертизы. Первым вступает в действие инфаркт.

– Самуил! – с места завелся Шаргунов. – Мы с тобой не первый год друг друга знаем, и я не буду темнить, недоговаривать. Я расскажу тебе то, о чем не стал говорить Безруков в обкоме партии. Если вариант с инфарктом прокатит, то он устроит всех: и здесь, и в Москве. В противном случае я должен немедленно назвать подозреваемого в убийстве. Немедленно! Понимаешь? Я должен сейчас, сию секунду, знать, кто убил Пуантье. Я этого не знаю и не представляю, с какого конца заходить. Для раскрытия убийства нужно поработать с иностранными студентами, с соседями Пуантье по общежитию, с его одноклассниками, а этого делать нельзя. Обком запретил задавать иностранным студентам вопросы, которые могут задеть их национальные или расовые чувства. Мало того! Если мы не можем официально объявить, что Пуантье убили, то и спрашивать-то нам иностранцев не о чем. Любой вопрос вызовет подозрения: «Если он сам умер, то какая разница, были у него враги или нет?» Понимаешь, в чем суть? Второе заключение экспертизы мы пустим в ход только в самом крайнем случае, когда нас к стенке припрут. До того момента мы даже дела уголовного возбуждать не будем. Если с этим студентом связаны какие-то политические игры в Конго, то на фига нам-то эта политика? Мы-то здесь при чем? Самый верный путь – спустить его смерть на тормозах. С убийцей потом разберемся. Найдем ключик, как нам к иностранцам подобраться, и поймем, кому его смерть была выгодна.

– Даже я, еврей, знаю, что торопливость – это грех. Я же не спрашивал, зачем такая сложная комбинация с двумя заключениями экспертизы. Я совсем о другом хотел поговорить. Представьте, тело студента прибыло на родину. Его папаша говорит: «Проверьте, на месте сердце или нет». Может такое быть? Может! Мы же не знаем африканских обычаев. Далее. Его отец может засомневаться в диагнозе и прикажет местным патологоанатомам проверить, был у сына инфаркт или нет. Любой судебно-медицинский эксперт, едва взглянув на сердце, скажет: «Нас обманули! Жан-Пьер умер от удара электрическим током». Все! Финита ля комедия. Сушите весла, заполучайте международный скандал. Чтобы этого не произошло, нам надо подменить сердце, вот о чем я хотел поговорить.

– Они не заметят подмены? – засомневался Шаргунов.

– И у чернокожих, и у европейцев кровь одинакового цвета – красная. Сердце европейца ничем не отличается от сердца африканца. Что касается возрастных изменений, то пока тело дойдет до Африки, пока то да се... Короче! Мне нужно сердце человека, умершего от инфаркта. Чем моложе будет этот человек, тем лучше.

В тот же день Шаргунов поговорил с генералом. Безруков незамедлительно дал указание начальникам органов внутренних дел области лично отслеживать в территориальных больницах все случаи смерти от болезней сердца.

За покойником ехать далеко не пришлось. Дело случая, везение, удача. 17 марта в областной больнице от инфаркта скоропостижно скончался сорокапятилетний мужчина. Его тело по указанию Кишиневского было доставлено для исследования в областное бюро судебно-медицинских экспертиз. Поклевский собственноручно произвел вскрытие. Сердце русского мужика он вложил в грудную клетку африканца, а сердце Пуантье отправил в холодильник – дожидаться лучших времен. Родственникам сибиряка выдали тело не в полной комплектации, но они этого не заметили.

Пока в Сибири кипела работа, в Москве шла бюрократическая переписка. Международный отдел МВД СССР по согласованию с Министерством здравоохранения СССР проинформировал Министерство иностранных дел СССР, что 13 марта 1983 года в Сибири скоропостижно скончался от инфаркта миокарда двадцативосьмилетний Жан-Пьер Пуантье, гражданин Республики Конго, обучавшийся по разнарядке Министерства среднего и высшего образования СССР в пищевом техникуме на бухгалтера. Да-да! Этот почти двухметровый гро-

мила должен был вернуться на родину бухгалтером, а не дипломированным бригадиром портовых грузчиков.

МИД СССР проинформировал о случившемся консульство Конго: «С глубоким пригорбием сообщаем...» Консул Республики Конго переправил информацию в МИД Конго. Министр иностранных дел Конго сообщил о гибели сына второму секретарю браззавильской городской партийной организации Франсуа Пуантье. Отец пожелал похоронить сына на родине. Бюрократический механизм завертелся в обратную сторону.

В тот день, когда в консульстве Конго переводили на русский язык просьбу о доставке тела в Африку, Поклевский вложил в грудь африканца новое сердце. Еще через пять дней тело Жан-Пьера Пуантье достали из холодильника в морге, запаяли в цинковый гроб и отправили в почтово-багажном вагоне в Москву. Так как прямого авиасообщения между столицей СССР и Браззавилем не было, гроб с телом Пуантье отправился к месту последнего упокоения кружным путем. Вначале в Ленинград, оттуда на попутном сухогрузе в Африку. В Браззавиль гроб прибыл только в середине мая. Морской путь через западное побережье Африки с заходом в порты назначения занимал много времени.

В ночь с четверга на пятницу, когда вроде бы все улеглось, Шаргунову снились кошмары – его душила гигантская кукла вуду. Проснувшись в холодном поту, он прошел на кухню, выпил стакан холодной воды. Посмотрел на холодильник, подумал и налил стопку ледяной водки. Для успокоения нервов, для сна. Водка подействовала благотворно, и Шаргунов безмятежно уснул. Утром он понял, с какого конца надо заходить.

– Лаптев! – сказал он жене. – Вот кто откроет мне дверь в общежитие с иностранцами.

4

В понедельник, примерно в то время, когда тело Жан-Пьера Пуантье укладывали на прожекторский стол, меня вызвал Геннадий Александрович Клементьев, начальник криминальной милиции нашего РОВД.

– Надо поработать! – с преувеличенным энтузиазмом сказал он.

Я, стараясь не подать виду, погрузился. «Поработать» в нашем отделе означало поработать вместо другого человека за счет своего личного времени.

– Сергей Матвеев приступает к реализации большого дела, – продолжил Клементьев. – Времени на текучку у него не останется, так что перекроешь его на участке.

– Понятно, – невесело ответил я.

– Что тебе понятно? – посуловел Клементьев. – Матвеев полгода разрабатывает сложное и запутанное дело, которое неизвестно как аукнется по всему городу, а ты недовольство демонстрируешь? У тебя, если разобраться, ни жены, ни детей, свободного времени – полным-полно! Вагон и маленькая тележка. Перекроешь Матвеева, ничего с тобой не случится.

– Случится! – дерзко возразил я. – Если я буду сутками на работе пропадать, то у меня ни жены, ни детей точно не будет.

– Потерпишь, не маленький! – отмахнулся от моих доводов Клементьев.

О деле, к реализации которого приступил Матвеев, у нас напрямую не говорили, но из обрывков разговоров я понял, что оно не имеет отношения к общеуголовной преступности: кражам, разбоям или грабежам. Кого разрабатывал Матвеев и почему это дело могло взбудоражить весь город, оставалось загадкой. Я принял у Матвеева неисполненные поручения следователей и приступил к работе сразу на двух участках.

К моему удивлению, это оказалось несложно. После всплеска преступлений 8–9 марта обстановка в районе разрядилась и наступил спад противоправной активности. На участке Матвеева вообще было затишье, словно в небесной канцелярии с сочувствием отнеслись к постигшей меня несправедливости и временно запретили преступность на одном отдельно взятом клочке Земли.

До пятницы жить было терпимо. Вечером 18 марта 1983 года меня вызвал Вьюгин. В его кабинете было накурено, но не настолько, чтобы я не рассмотрел за приставным столиком Шаргунова.

«Вот теперь – точно кранты! – подумал я. – Прошлый визит Шаргунова закончился расследованием дела Горбаш–Часовщиковой¹. Что на сей раз припас начальник милиции соседнего района и почему именно я должен быть у него на подхвате? У Шаргунова в уголовном розыске личного состава вдвое больше, чем у нас, но без меня он обойтись никак не может. Это, конечно, лестно. Но – Лариса! Как я объясню ей, что у меня на личную жизнь не останется ни секундочки свободного времени?»

– Садись, – предложил Вьюгин. – Что-то ты невесел. Работы, наверное, много?

Я уловил подвох в его словах, но решил попытаться отстоять свою свободу, иначе так нагрузят, что жить в райотдел переедешь, и все будут считать это нормальным явлением.

– Два участка тащу, – ответил я. – Целыми днями на работе, света белого не вижу.

– Брось свистеть! – резко оборвал меня Вьюгин. – Какие два участка? Я каждое утро начинаю со сводки о состоянии преступности в районе. У Матвеева на участке, как по заказу, тишь да гладь да божья благодать. Единственное преступление и то было очевидным.

– Что ты знаешь о Республике Конго? – неожиданно спросил Шаргунов.

---

¹ Подробнее об этом деле в книге Сорокина Г.Г. «Капля чужой вины».

К концу дня реакция у меня была заторможенной, иначе я лишился бы дара речи от удивления.

«Какое Конго? О чем он? – промелькнула мысль. – Быть может, в городе появилась новая шайка с таким названием? Хотя нет. В названии преступной группировки не может быть слова «республика». Скорее всего, Шаргунов спрашивает о государстве Конго. Придется отвечать».

Я вздохнул, посмотрел начальнику милиции Центрального района в глаза и начал рассказывать все, что знал о далекой экваториальной республике.

– Конго – бывшая французская колония на берегу одноименной реки. Столица – Браззавиль. Конго – молодое государство, придерживающееся социалистического пути развития. Президентом Конго был Патрис Лумумба, большой друг нашей страны. Лумумбу убили агенты ЦРУ. В честь него названа улица в Кировском районе. Больше я про Конго ничего не знаю.

– Молодец! – похвалил Шаргунов. – Единственное замечание: Лумумба был президентом другого Конго, того, что сейчас называется Заир. Теперь расширим вопросы по географии. Что ты знаешь о Гвинее-Бисау, Республике Гвинея, Мозамбике и Гамбии?

– Это африканские государства, стоящие на пути социалистического развития.

– Что связывает нас с этими государствами?

– Это наши союзники. Мы поставляем им хлеб, металлы, оружие, нефть. Советские специалисты помогают правительствам этих стран в восстановлении экономики.

– Ты широко замахнулся. От проблем международной политики давай перейдем этажом ниже и опустимся к нам, в Сибирь. Что у нас общего с этими африканскими странами?

– У нас же какие-то африканцы учатся, – догадался я. – Они из Конго и Гвинее-Бисау?

– Наконец-то! – обрадовался Шаргунов. – А то начал: хлеб, металл, Патрис Лумумба, дружба народов! Все в кучу собрал и чуть мимо не прошел. В нашем пищевом техникуме обучаются две группы иностранных студентов. Первая группа закончит обучение в этом году, вторая будет учиться еще год. Пищевой техникум – единственное учебное заведение в области, где обучаются иностранцы. Среди них много негров – мужчин и женщин. Один из мужчин был убит в прошлое воскресенье.

Шаргунов подробно рассказал о загадочном убийстве Пуантье и о проблемах, связанных с его раскрытием.

– Я хочу, чтобы ты нашел выход на африканскую диаспору и помог нам разобраться, кто есть кто и какие у них взаимоотношения.

– Каким образом? – озадачился я. – Вы хотите, чтобы я под видом студента стал обучаться в пищевом техникуме, поселился в их общежитии и втерся в доверие к иностранцам?

– Что только человек не придумает, лишь бы не работать! – усмехнулся Вьюгин. – Какой из тебя разведчик-нелегал? Студенты раскусят тебя раньше, чем ты успеешь с ними познакомиться.

– Ни о каком внедрении не может быть и речи! – поддержал его Шаргунов. – Овчинка выделки не стоит. Нет никакой гарантии, что иностранцы будут делиться секретами с первым встречным. Внедрение в любой форме отпадает. Ты должен зайти в общежитие к иностранцам «с черного хода» и действовать чужими руками. Вспомни, где ты живешь и кто живет рядом с тобой.

«О-па! – догадался я. – У нас в общежитии есть выпускники техникума. Двое парней буквально на днях получили дипломы и заселились на мой этаж».

– Ты в общежитии – авторитет, к твоему слову прислушиваются, – продолжил Шаргунов. – Тебе ничего не стоит разговорить бывших учащихся техникума и узнать у них расклад сил среди иностранцев. Другого пути у нас нет. Вход в африканскую диаспору закрыт для посторонних, напрямую мы действовать не можем, а без информации о внутренней жизни диаспоры мы никогда не вычислим преступника. Или преступников. Вполне возможно, что в убийстве Пуантье замешано несколько лиц. Кто они: русские или иностранцы? Кому была

выгодна смерть конголезца? Имел ли он врагов? Что говорят о его смерти друзья? Начни с общих расспросов, не чурайся слухов и сплетен. Подчас, проанализировав слухи, можно почерпнуть больше информации, чем из официальных источников или допросов. Никаких сроков или конкретных результатов я перед тобой не ставлю, но главную ставку делаю только на тебя. Ты – это ключ к диаспоре, так что постарайся оправдать наше доверие.

– Считай это задание комсомольским поручением, – пояснил объем и характер работы Вьюгин. – От служебных обязанностей тебя никто не освобождает. Тебе надо только пересмотреть досуг: не на девочек заглядываться, а с нужными людьми доверительные беседы вести.

– С моей стороны можешь рассчитывать на любую помощь, – заверил Шаргунов. – По всем неотложным вопросам контактируй с инспектором Кискоровым. Кстати, на девочек можешь заглядываться, если они недавно пищевой техникум закончили и кое-что об иностранцах знают.

– Выдержишь? – неожиданно спросил Вьюгин. – Не сломаешься?

– Женюсь на год позже, но задание выполню! – бодро отрапортовал я.

Начальники посмеялись и выпроводили меня работать.

5

Как ни странно, но новое задание не повергло меня в уныние. Напротив, появился какой-то необъяснимый азарт, желание разобраться в этом необычном деле. Напрямую допуск к иностранцам мне не дали, зато разрешили собирать о них сведения всеми возможными способами. Сбор сведений – это прикосновение к чужой жизни. Узнать, как живут и чем дышат африканские студенты, было в высшей степени любопытно и познавательно.

Придя в общежитие, я переоделся, сходил на завод, перекусил у слесарей, узнал последние новости, вернулся в комнату и взялся за работу. Прежде всего я решил составить список лиц, представляющих информационную ценность.

Начинался он с соседей по этажу.

1. Тимофеев Андрей (Тимоха), 19 лет, сирота. Окончил техникум в феврале 1983 года, диплом техника-механика по ремонту и обслуживанию машин и оборудования предприятий пищевой промышленности получил 1 марта, во вторник. В тот же день заселился в общежитие. 2 марта вышел на работу в пряничный цех в качестве сменного слесаря.

На заводе Тимоха был своим человеком. У нас он проходил производственную и преддипломную практику, знал всех слесарей, грузчиков и пекарей, быстро научился выменивать щербет и пряники на вино. Тимохой его стали звать еще на практике, так как на заводе парней и мужчин с именем Андрей был полный комплект и новый Андрей в их число просто не вписывался.

Тимоха был среднего роста, среднего телосложения, подвижный, шустрый малый, любитель выпить, весело провести время с незакомплексованными женщинами. В любви мой тезка был неразборчив, мог приударить за любой женщиной, лишь бы добиться от нее взаимности. Его пару раз видели с кладовщицей, по возрасту годящейся ему в матери. Кладовщица, как и Тимоха, тоже особой разборчивостью не отличалась, но в отличие от холостого парня была вынуждена соблюдать условности и быстро прекратила их приметную связь.

Осенью, на преддипломной практике, Тимоха, не разобравшись, что к чему, стал оказывать знаки внимания Ларисе, но ему быстро объяснили, чьей невестой числится хорошенькая блондинка Лариса Калмыкова. Тезка купил бутылку водки и пришел с извинениями. Я сказал, что его ухаживания за моей девушкой считаю мелким недоразумением. С кем не бывает! Тимоха проникся ко мне чувством благодарности, и с тех пор между нами установились дружеские отношения.

После выхода на постоянную работу отношение руководства завода к бывшему практиканту изменилось: через месяц-полтора его должны были призвать в армию. Вернется он после службы на завод или нет, было неизвестно, но по трудовому законодательству через два года ему были обязаны предоставить должность слесаря и койко-место в общежитии.

Фактически Тимоха стал временным работником. Главный механик завода оценил положение и стал подыскивать на место будущего солдата нового работника. Тимоха же своим двойственным положением пользовался на всю катушку: выпивал, где наливают, клеился ко всем девушкам в общежитии, самым симпатичным обещал жениться после армии. Девушки, кроме самых ветреных, сторонились его. Кому нужен парень, который через месяц может уехать навсегда? Любовь по переписке – вещь хорошая, только женитьбой заканчивается исключительно редко.

Директор завода смотрел на выходки Тимохи сквозь пальцы. Воспитывать временного работника смысла не имело, уволить за ненадлежащее поведение – нельзя. Будущие защитники Родины были на особом положении. По неписаным законам в трудовой книжке призывника могло быть только две записи: «Принят на работу» и «Уволен в связи с призывом в ряды

Советской армии». Тимоха для всех был свойский парень, никому не отказывал в помощи, мог отработать две смены подряд, заменив заболевшего слесаря.

Поселили его в четырехместной комнате. Соседями Тимохи были молодые мужчины: пекарь и водитель с автобазы, получивший место в заводском общежитии по разнарядке райисполкома. Четвертым жильцом был Леха.

2. Польшаев Леонид, 18 лет, бывший одноклассник Тимофеева. В отличие от Тимохи, Леонид не был сиротой. Родился и вырос в другом городе в полной семье. После восьми классов решил стать техником-механиком холодильных установок. Профессия денежная, калым всегда найти можно – холодильники не только на предприятиях ломаются, но и в квартирах обычных граждан.

После года обучения будущих механиков собрали в актовом зале техникума и объявили, что с нового учебного года образовательная программа меняется и они будут обучаться по специальности «техники-механики широкого профиля по ремонту и обслуживанию машин и оборудования предприятий пищевой промышленности». Отступить было некуда. С мечтами о халявных трешках и десятках пришлось попрощаться. Рассказывая об этом случае, Тимоха веселился от души: «Мне было по фигу, на кого учиться, лишь бы диплом был, а Леня чуть не заплакал от обиды. Представь, он целый год мечтал, как придет к одинокой хозяйке холодильник «Бирюса» чинить. Бутылочка на столе, огурчики, колбаска порезанная. У хозяйки червончик в фартуке приготовлен – живи, радуйся, лови благоприятный момент! И тут – трах-тарарах! Вместо сказочного благополучия – хрен тебе садово-огородный! Иди, дружок, на завод, хлебопекарные печи чинить. С голоду на хлебокомбинате не помрешь, но и жировать не будешь. Зарплата на заводе копеечная, на автомобиль «Жигули» за двадцать лет не накопишь. Леха после собрания целый месяц сам не свой ходил, потом ничего, отошел помаленьку».

Польшаев был худым, среднего роста, скрытным, малообщительным. Девушек стеснялся, хотя с одной хорошенькой хохотушкой из кондитерского цеха подолгу стоял на запасной лестнице. К выпивке был равнодушен, в азартные игры не играл. Ему из-за плохого зрения призыв в армию не грозил. На заводе он считался перспективным работником.

Польшаев до поры до времени шел за Тимохой, как нитка за иголкой. Они вместе были на практике, вместе распределились на хлебокомбинат и поселились в одной комнате. Польшаев с первого курса жил в общежитии техникума и волей-неволей должен был быть осведомлен об иностранцах, занимавших целый этаж. Тимоха по неизвестной причине в общежитии техникума поселился только на четвертом курсе.

«Начну с Тимохи, – решил я. – Леха со мной откровенничать не будет, но я надавлю на его приятеля и заставлю поделиться сведениями».

На заводе работал еще один выпускник пищевого техникума. Это был отслуживший в армии молодой мужчина, окончивший в прошлом году механический факультет на базе десяти классов. Жил он в городе с родителями, то есть об иностранцах необходимой информацией не располагал. Я не стал вносить его в список. Человек, видевший африканцев только мельком на переменах, оперативного интереса не представлял.

Тимоха – другое дело! Я был уверен, что он для экзотики клеился к чернокожим красоткам и, кто его знает, может, чего-то и добился. Определенно начинать надо было с Тимохи. Потом браться за его дружка и переходить на девушек.

На заводе трудились две выпускницы техникума, которые во время учебы проживали в студенческом общежитии. Первой из девушек и третьей по порядку я внес в список Шутову Ирину.

3. Шутова Ирина, 20 лет, не замужем, техникум окончила в 1982 году. Должности технолога для нее не нашлось, и Шутова трудилась в булочном цехе кем-то вроде старшей смены.

Если охарактеризовать ее одним словом, то я бы назвал ее «потерянной». Бывают люди инициативные, бывают злые, желчные, яркие, искрометные. Да каких только не бывает! Но встречаются и «никакие» – блеклые, неприметные, вечно погруженные в свои думы. Такой «потерянной» особой была Шутова, голубоглазая девушка среднего роста, нормального телосложения, с каштановыми волосами до плеч. Косметикой она не пользовалась, модными нарядами не увлекалась, украшений не носила. Одевалась как-то небрежно, словно ей было безразлично, как ее внешний вид воспримут окружающие. Иногда могло создаться впечатление, что Шутова просто не умеет носить вещи. Колготки у нее вечно сползали, образуя пузыри на коленях, юбка могла повернуться вокруг талии, оказавшись замком сбоку.

С парнями Ирина не общалась, делала вид, что лица противоположного пола ее не интересуют. Тимохе не довелось жить с ней в студенческом общежитии, зато Польшаев видел ее в течение трех лет каждый день. По его словам, у Шутовой на втором курсе был парень. Потом она крутила любовь с отслужившим в армии студентом. На четвертом курсе, ближе к Новому году, в ней словно что-то надломилось, и она охладела к мужчинам, стала избегать их общества. По наблюдениям Лехи, несчастная любовь тут была ни при чем: бывший армеец расстался с Шутовой еще летом. Осенью она принимала ухаживания соседей по общежитию, потом – как отрезало.

Ирина была безобидной девушкой. В периодически вспыхивающих в нашем общежитии скандалах не участвовала, замечания пьяным не делала. Только однажды она попросила парня по кличке Мистер Понч не ругаться матом под дверь. Понч за словом в карман не лез. Скривившись, он скептически осмотрел Шутову и издевательски посоветовал ей подтянуть колготки. Ирина заплакала от обиды. На другой день на Мистера Понча ополчилась вся женская часть общежития. Вечером Понч был вынужден попросить у Шутовой прощения, иначе бы его вместе с женой выжили из общаги.

На моей памяти это был единственный раз, когда на защиту девушки спонтанно поднялось столько народа. Я с Шутовой почти не общался, но заметил, что она никогда не остается со мной наедине. Боялась меня, что ли? Так я никакого повода опасаться меня не давал. Странная была девушка Ирина Шутова. То она весело проводила время в студенческом общежитии, то стала затворницей, избегающей мужского общества. Если она ждала встречи с принцем на белом коне, то, образно говоря, даже на дорогу не выходила, где этот принц мог проскакать. Как найти подход к Шутовой, я не знал, но думал, что смогу разговорить ее через Гулянову Веронику.

4. Гулянова Вероника, 19 лет, техникум должна была окончить только в этом году. Осенью 1982 года, не дожидаясь преддипломной практики, с очного отделения перевелась на заочное и устроилась работать на хлебокомбинат. Тимоха как-то обмолвился, что Гулянова перешла на заочное не по своей воле, а под нажимом администрации техникума. «В этом деле был замешан мужчина. И не один», – пояснил он.

Я почему-то тогда решил, что у Гуляновой была интрижка с кем-то из преподавателей, но подробности узнавать не стал. Из простого любопытства лезть к ней в душу я не хотел. Мало ли у кого какие скелеты в шкафу!

Вероника была крепко сбитой девушкой. Не пухленькой, не полненькой, а именно крепко сбитой, ширококостной, как спортсменка – метательница ядра. Нисколько не сомневаюсь, что в случае поломки тестомесильного аппарата Гулянова могла бы вручную заместить тесто в огромной двухсотлитровой деже.

Дипломированная специалистка Шутова жила в четырехместной комнате, а недоучившейся студентке Гуляновой предоставили двухместную комнату. По меркам заводского общежития это была невиданная щедрость со стороны руководства хлебокомбината. Двухместная комната – это почти отдельное жилье.

Многоопытный бригадир грузчиков объяснил эту явную несправедливость так: «Шутова как-то несерьезно выглядит. Какой из нее руководитель, если она дырку на кофте стежками наружу зашивает? Вероника – другое дело! В ней чувствуется внутренняя сила. Она и матом послать может, и лодырей работать заставить. Получит диплом – директор ее тут же поставит технологом смены».

Чтобы Гулянова матом ругалась, я не замечал, а в остальном оценка была правильной. Постоянного мужчины у Гуляновой не было. Иногда она закрывалась в комнате с кем-нибудь из молодых слесарей, но это было редко и слухов в общежитии не вызывало.

Оставалась еще одна девушка, которая не работала у нас на заводе, никогда не жила в нашем общежитии, но обойти ее было невозможно, как невозможно не заметить памятник Ленину на главной площади города.

5. Марина Грачева, 20 лет, одноклассница и подруга Шутовой. В прошлом году Грачева была распределена на наш хлебокомбинат. Но еще до моего прихода перевелась на хлебозавод № 1 на должность технолога. Марина была натуральной блондинкой чуть выше среднего роста, с идеальной фигурой и длинными, ниже плеч, волосами. Внешность ее была настолько безупречна, что она могла бы выступать на подиуме в Доме моделей, а не трудиться на хлебопекарном производстве.

Грачева с первого взгляда покоряла мужчин. В ее прекрасных голубых глазах было столько невинности и доверчивости, что любой парень считал бы за честь хоть чем-то помочь ей. А если повезет, то оградить ее от полных опасностей улиц, подворотен и вечно пьяных компаний в общежитии.

Грачева жила в городе с родителями, мужчин к себе близко не подпускала. Тимоха отозвался о ней так: «Прекрасная, умная, недоступная». Я несколько раз со стороны видел Грачеву, когда она приходила в гости к Шутовой. Каюсь, была мысль оставить Ларису и приударить за ней, но я быстро придушил в себе эту затею. Чтобы всерьез подъехать к Грачевой, надо было иметь не комнату в общежитии, а квартиру, желательно трехкомнатную, желательно новой планировки. Не были бы лишними при знакомстве автомобиль «Жигули», кроссовки «Адидас» и фирменная джинсовая куртка «Ли Купер». Как вариант, можно было пригласить Марину на свидание, не имея ни квартиры, ни «Жигулей», но для этого надо было быть двухметровым красавцем, по которому сохнут все женщины и девушки в городе. Я такой внешностью не обладал и в заранее проигрышную авантюру ввязываться не стал.

Закончив список, я зашел к Тимохе и вызвал его в коридор:

– Завтра в шесть часов, зайди. Разговор есть.

– С собой что-нибудь прихватить? – спросил он и выразительно щелкнул себя по горлу.

– Возьми, не помешает, – согласился я.

6

Каждую субботу до обеда в уголовном розыске Заводского РОВД был рабочий день. В практическом смысле от этого мероприятия не было никакого толка. Инспекторы уголовного розыска приходили в райотдел, отмечались у начальника розыска и разбредались по кабинетам, имитируя работу с документами. Через полчаса собирались в нашем кабинете или у Матвеева, пили чай, курили, спорили обо всем на свете. Обсуждали футбол, хоккей, засолку огурцов, воспитание детей, особенности ремонта авто- и мототехники, политику и любовные похождения холостяков.

Почти каждое обсуждение заканчивалось яростным спором. Если один инспектор утверждал, что огурцы нельзя солить без добавления хрена, то обязательно находился кто-то, кто утверждал обратное: «Хрен только вкус портит!»

Я в этих спорах не участвовал. Заготовка солений и спорт меня не интересовали, автомобили и детей не было. Субботнее бдение было нужно одному человеку в РОВД – Вьюгину. Если генерал был недоволен показателями отдела, то Сергей Сергеевич мог с чистой душой сказать: «Все для поддержания процента делаем! Инспекторы ОУР каждую субботу в личное время над раскрываемостью преступлений работают».

В эту субботу я сделал полезное дело: созвонился с коллегой из Центрального РОВД, договорился о встрече. Была мысль разобраться с бумагами, но работать даром настроения не было, и я оставил документы на потом, когда срок исполнения поручений начнет прижимать.

После обеда я встретился с Ларисой, заверил, что в воскресенье буду в полном ее распоряжении, и помчался в общежитие.

Тимоха пришел в шесть часов, с собой принес два литра красного вина в трехлитровой банке. Вино на заводе достать было проще, чем пиво. За пивом надо было идти в соседний микрорайон, отстоять очередь в ларек, потом тащить полные банки почти километр. Вино же рекой лилось с винзавода. От нового пряничного цеха, где проходил обмен спиртного на продукты, до заводского общежития было рукой подать. Единственная трудность – проходная. Дежурную вахтершу могли уволить, если бы она допустила вынос с предприятия готовой продукции или любого вида сырья для изготовления хлеба или шербета.

Вино на хлебокомбинате тоже было, им смазывали коржи подарочных пряников. Зачерпнуть полную банку вина было немислимым делом, кондитеры никогда бы этого не позволили. Утром, с похмелья, полную кружку – пожалуйста, пей на здоровье! А целую банку – ни за что! Полная банка – это расхищение социалистической собственности, воровство, подсудное дело. Как найти выход из положения, когда вино есть, а вынести его с хлебокомбината нельзя? Ответ напрашивался сам собой: вахтерши не обязаны были следить за территорией завода, чем все и пользовались.

В пятницу, когда я пригласил Тимоху на разговор, слесари утром выменяли на винзаводе два ведра вина, которые перелили в сорокалитровую флягу в подсобном помещении. В субботу Тимоха набрал полную банку, поставил в холщовую сумку, подошел к внутреннему фасаду общежития. Из мужского туалета ему спустили веревку, подняли банку на этаж. По обычаю, Тимоха отлил литр помощникам, остальное принес мне.

Выставив на стол нехитрую закуску, я попросил гостя рассказать об иностранных студентах. Тот не стал уточнять, чем вызван столь необычайный интерес. Выпив стакан крепкого вина, он закурил и начал повествование:

– На третьем курсе, 1 сентября 1981 года, заходим мы с дружкой в техникум, а там, в фойе, негры! Два человека: мужчина и женщина. Настоящие негры, черные, как смоль. Если бы вместо них были марсиане, я бы меньше удивился. Ты видел, как инопланетян изоб-

ражают? Маленькие зеленые человечки с ушами раструбом, как клаксон на старинном автомобиле. Иногда им еще антенны на голове рисуют, нос какой-нибудь необычный, глаза выпученные. Так вот, если бы в фойе были марсиане-инопланетяне, то я бы подумал, что это розыгрыш в честь 1 сентября, а тут...

Мы встали как вкопанные. Приятель от избытка чувств воскликнул: «Негры!» Негритянка как зарыдала: «Мы не негры, мы – африканцы! Негры на плантациях работают, а мы учиться приехали». Ты заценил момент? Негры есть, но слово «негр» говорить нельзя. Негроидная раса есть, а негров, по их негритянским понятиям, нет. Спрашивается, как их называть? Чернокожие? Тогда нас надо называть «бледнолицые». Посмотри любой фильм про индейцев. Гойко Митич в образе Чингачгукса слово «бледнолицый» говорит с нескрываемым презрением. Американские солдаты и ковбои-первопроходцы индейцев называют не иначе как «краснокожие», то есть люди второго сорта, а тут? Парадокс, правда? Я до конца учебы так и не понял, почему у африканцев слово «негр» считается унижительным.

Почти год с ними в одном общежитии прожил, но тему так и не уловил. Нам, кстати, никто официально не запрещал африканцев неграми называть. Просто после слез Элен говорить слово «негр» в присутствии чернокожих стало как-то неприлично. Элен, кстати, самая умная из них. Нормальная девка, не задавака, не клязница. Она после Нового года привезла пачку фотографий, показывала, как ее брат в Париже живет. Учится в университете, подрабатывает официантом. У ее брата в общежитии своя комната, в ней – японская стереосистема «Сони». Такую аппаратуру у нас ни за какие деньги не купишь, а там, на загнивающем Западе, у простого африканского студента... Но это фигня! Ее брат взял на время учебы в прокат спортивный автомобиль «БМВ». Двухместный, с откидывающимся верхом. Клянусь, я бы половину зарплаты отдал только за то, чтобы в этой тачке просто посидеть, педали понажимать, руль покрутить.

– Брат Элен учится во Франции в университете, а она – в Сибири, в техникуме? Тут нет подвоха?

– Брат учится за счет родителей, а Элен – по направлению правительства. Двух детей во Франции ее семья бы не потянула. Элен, кстати, около тридцати лет, а ее брату – тридцать два года, но все еще студент, будущий политолог. Ты знаешь, что такое политология?

– Наука о том, как с умным видом говорить о том, чего не знаешь.

– Слушай дальше! Один из африканцев, Самуэль, герой войны с колонизаторами, чтобы получше понять русских, стал выступать в техникумовском эстрадном ансамбле, увлекся игрой в хоккей с мячом. Как-то во время тренировочного матча один парень размахнулся и нечаянно выбил Самуэлю зуб клюшкой. Перетрухнул, конечно, но африканец говорит: «Спорт есть спорт! Всякое бывает». На другой день Самуэль встретил этого парня и говорит: «Я не могу домой без зуба вернуться. Я всю войну без единого ранения прошел, а тут, в стране победившего социализма, зуба лишился. Мои соотечественники могут из этого факта сделать неправильные выводы. Подумают, что я в СССР дискриминации подвергался. Не стану же я бывшим сослуживцам про хоккей рассказывать! Мои друзья снега никогда не видели и что такое хоккей не поймут. Короче, я подумал и решил – вставляй мне зуб».

Парень собрал все золото в семье и отдал Самуэлю. Тот пошел к дантисту. Врач посмотрел и говорит, что рядом с выбитым зубом коренной зуб совсем гнилой, на него коронку не поставишь. Гнилой зуб удалили, сделали мост из двух коронок и двух цельных золотых зубов. Как тебе история? Парень, который зуб выбил, считал, что легко отделался. Подумаешь, материнское обручальное кольцо на металл пустил! Зато в техникуме остался. В хоккей, правда, с тех пор играть перестал. Говорит, я как клюшку увижу, так вспоминаю, как сестра с себя серьги снимала. Мать ей на совершеннолетие подарила, а тут братец в хоккей с чернокожими сыграл и все золото в семье по ветру пустил!

Другая история закончилась более плачевно. Как-то в праздник Ивана Купала одна девчонка досадила парню, и он облил ее водой. Девчонка решила отомстить, погналась за ним с ковшиком воды. Они выбежали на лестничную клетку, девчонка опрокинула ковшик в пролет и облила негритянку по кличке Маркиза. Если бы облила Элен или Сару, все бы обошлось. Но Маркиза! Она – сволочная скандалистка, ее даже свои, иностранцы, опасались. Маркиза встала в позу: «Что за дела, что за расистские выходки?» Девчонка не растерялась и говорит: «Обливать всех водой в праздник Ивана Купала – это национальный русский обычай. Даже поговорка такая есть: «Нынче день Иван Купала – обливай кого попало!» Если ты сейчас выйдешь на улицу и зайдешь во дворы, то увидишь парней с ведрами, полными воды. Они обливают всех, кто встретится на пути. Ни одного прохожего сухим не оставят».

Маркиза говорит: «Здорово! У русских интересные обычаи».

Все разошлись. Маркиза пошла к себе, набрала ведро воды, вышла на лестничную клетку. Тут, на беду, возвращается в общежитие мой одноклассник Василий. У него был день рождения. Спиртным он запасся заранее, торт в гастрономе купил. Тортиком Вася хотел одну девушку приманить. Идет он по лестнице, о девчонке с параллельной группы мечтает. Тут бах! На голову полное ведро холодной воды вылили. Вася пулей наверх. Увидел Маркизу с ведром и как закричит: «Ты что, обезьяна, делаешь? Какого черта обливаешься?» Маркиза отшвырнула ведро и бегом к директору техникума: «Меня ваш ученик обезьяной обозвал! Я своему консулу пожалуюсь, что вы меня по цвету кожи притесняете». Начались разборки. Директор говорит: «Если бы ты назвал ее крысой или свиньей, то мы бы объявили тебе выговор за недостойное поведение, лишили бы стипендии и оставили дальше учиться. «Обезьяну» тебе прощать никто не будет. Я не хочу, чтобы из министерства приехала проверка и нас стали склонять на каждом углу за отсутствие интернационального воспитания учащихся. Предлагаю тебе добровольно написать заявление об отчислении из техникума. Если сам не напишешь, мы тебя из комсомола исключим и из техникума отчислим. С таким волчьим билетом тебя даже грузчиком на хлебозавод не возьмут, с мечтами об образовании придется попрощаться».

Выхода у Васи не было, и он написал заявление. Прикинь, какая несправедливость! Если ты любую девчонку на заводе обезьяной назовешь, что будет? Ни-че-го! Она если обидится, то козлом тебя назовет или уродом. Скандала из-за «обезьяны» никто поднимать не будет. Назовешь чувиху дурой – она больше обидится, чем на «обезьяну». Дура – это все-таки характеристика человека, показатель его умственного развития, а обезьяна – это забавное животное в зоопарке. Словом, любую русскую девушку ты можешь назвать обезьяной, а негритянку – нет! Для нее это слово в высшей степени обидное и оскорбительное. Это проявление расизма, демонстративное попрание ее гражданских прав и свобод. Мудрено звучит? Это нам так в техникуме объясняли, чтобы при чернокожих слово «обезьяна» вообще не произносили.

С Васей все довольно благополучно закончилось. Он исхитрился перевестись на заочное отделение в машиностроительный техникум, в прошлом ноябре в армию ушел. Вернется – диплом получит.

А с Маркизой закончилось так. Она забеременела от иракского студента по имени Махмуд. Здоровый такой парень, длинный. Хитрый, изворотливый. У него на родине третий год война идет, солдаты тысячами гибнут, а он в СССР приехал, на бухгалтера учиться! Откосил от призыва, по-другому не скажешь. Так вот, Маркиза потребовала, чтобы Махмуд на ней женился. Он посмеялся и говорит: «Я лучше на бродячей собаке женюсь, чем на тебе, проститутке. Ты со всем этажом переспала, а я должен твоего ребенка воспитывать?»

Маркиза – в слезы, побежала к африканцам жаловаться. Тут надо отметить вот какой момент. Если в чем-то нарушались права иностранных студентов, то они выступали единым коллективом, без разделения на расы и государственную принадлежность. Если конфликт был среди иностранцев, то тут африканцы были отдельно, а азиаты отдельно. Если же разборки

происходили среди чернокожих, то уроженцы Западной Африки выступали единым фронтом против всех остальных африканцев.

У нас был студент Жан-Пьер Пуантье. Здоровенный мужчина, баскетболист. Он встретил Махмуда и потребовал, чтобы тот женился на Маркизе. Слово за слово, они сцепились и немного поколотили друг друга. Жан-Пьер намял бы бока иракцу, но их вовремя растащили, и на время конфликт между ними погас.

Маркиза пошла в милицию и написала заявление на Махмуда. В милиции ей объяснили, что по нашим законам мужчина не обязан признавать отцовство, платить алименты и тем более жениться, если он никогда не высказывал намерений вести общее хозяйство с матерью ребенка. Тогда Маркиза написала заявление, что Махмуд ее изнасиловал. Заявление приняли, но возбуждать уголовное дело не стали: четыре месяца она об изнасиловании молчала, а тут вдруг вспомнила!

Несколько иностранцев вызвали на допрос в милицию, и они подтвердили, что Маркиза никому об изнасиловании не рассказывала, а значит, никакого изнасилования не было.

Маркиза поняла, что ловить ей больше нечего. Живот растет, роды близятся. Она решила действовать. Пришла к Махмуду поговорить, дождалась, когда он отвлечется, и врезала ему сзади со всей силы табуретом по голове. Сотрясение мозга. Махмуда положили в больницу. Он через друзей-индийцев передал Маркизе, что как только выпишется, так тут же напишет на нее заявление о причинении телесных повреждений. «Будешь в русской тюрьме сидеть!» – передал он.

Маркиза по-русски послала его куда подальше, собрала вещички и уехала в Африку. Я потом спрашивал у Махмуда: правда ли он собирался судиться с Маркизой? Махмуд посмеялся и говорит: «От меня бы в Ираке знакомые отвернулись, если бы узнали, что какая-то женщина мне голову разбила и живая после этого осталась».

В коридоре раздался женский смех. Тимоха прислушался, уловил знакомые нотки.

– Марина! – догадался он. – С гулянки возвращается.

Марина Селезнева была самой раскованной девушкой в общежитии. В трезвом виде вела себя достойно, на мужчин внимания не обращала, но стоило ей выпить стакан-другой вина, как она тут же забывала о скромности и частенько просыпалась не в своей комнате. Тимоха, поставивший целью перед армией «оторваться по полной программе», пропустить пьяненькую Селезневу не мог.

– Андрей, сам понимаешь! Марина. По голосу чую: она уже в нужной кондиции. Я завтра вечером приду, расскажу тебе об иностранцах все, что знаю, а сейчас – извини! Если я промедлю, Марину кто-нибудь перехватит и к себе уведет.

После его ухода я записал в блокноте: «Махмуд (Ирак) – конфликт с Пуантье из-за женщины». Первые сведения об иностранных студентах были получены. Оставалось развить тему и ненавязчиво узнать, кто еще имел зуб на конголезца.

7

В воскресенье я сдержал слово – весь день провел с Ларисой. Мы встретились недалеко от ее дома и поехали в девятиэтажное панельное общежитие завода «Красный коммунар». У подружки Ларисы в этом общежитии была комната гостиничного типа, которую она иногда предоставляла нам для уединенного времяпрепровождения. Кто эта подружка и какое отношение она имеет к машиностроительному заводу, я так и не узнал, но подметил одну особенность: ключи от уютного гнездышка она давала именно тогда, когда мои отношения с Ларисой начинали охладевать.

В шесть вечера ко мне вновь пришел Тимоха, веселый, довольный жизнью. Поговорив о том о сем, я поинтересовался, не отметился ли он на любовном фронте победами над африканскими красавицами. Тимоха налил стакан вина, залпом выпил, вытер губы рукавом, закурил, немного помолчал и начал новый рассказ:

– На четвертом курсе, в сентябре, проспал я на занятия и решил не ходить на первую пару. Слышу – шум в коридоре. Какая-то комиссия пошла проверять, остался кто-нибудь в общежитии или все ушли на занятия. Я мигом собрался и побежал в учебный корпус.

День был мрачный, дождливый. С самого утра такие тучи висели, что в помещениях включили свет. В техникуме просто так болтаться было опасно: можно нарваться на заведованием или даже директора. Поди тогда оправдайся, почему ты не на занятиях! Я не стал мудрить и пошел к библиотеке.

В учебном корпусе, какходишь, справа – раздевалка, в которой одежду принимают учащиеся дежурной группы. У меня куртки не было, так что я прошел мимо них в небольшое фойе перед входом в библиотеку. Слева в фойе – окна, под ними – радиаторы отопления. Справа – вход в два учебных класса.

В фойе была полутьма: освещение не было включено, так как библиотека еще не начала работать, а в учебных классах занятий не было. Как говорил наш любимый Генеральный секретарь: «Экономика должна быть экономной. Не фиг зря электричество жечь!»

Я зашел в фойе и вижу: у окна стоит невысокая симпатичная девушка. Я подрулил к ней, начал ненавязчивый разговор: «Ты откуда? На каком курсе? Нравится у нас в городе?» Она посмеивается, на вопросы прямо не отвечает. Я решил, что она или из Молдавии, или из Средней Азии. По виду девчонка явно нерусская, черненькая, а кто именно по национальности – какая разница, если девушка симпатичная и над каждой моей шуткой смеется.

Я обнял ее за плечи. Она стоит, руку не сбрасывает. Я осмелел, легонько поцеловал ее в щеку. Она улыбается, шепчет: «Смотри, сейчас свет включают, и нас увидят!» Я объяснил ей, что свет включается в фойе, и если кто-то сюда зайдет, то мы его обязательно увидим. Короче, дело к ночи! Я мысленно планы рисую, куда ее пригласить и как раскрутить на взаимность.

Пока голова у меня была занята прожектерством, руки действовали. Я незаметно расстегнул ей пуговичку на кофточке, потом на блузке. Пронырнул рукой под одежду и положил ладонь на бюстгальтер. Лифчик у нее – шелковый, явно импортный.

Я снова поцеловал ее, и тут дверь перед нами распахнулась и в фойе вышли два преподавателя. До этого момента освещения в классе не было, то есть преподаватели сидели в лаборантской, курили перед уроками. В самом классе свет не включали, чем усыпили мою бдительность. Один преподаватель – нормальный мужик, электротехнику преподавал, другой – мой враг по фамилии Инютин. Он считал меня самым тупым учеником, разгильдяем и лодырем. Инютин преподавал техническую механику, самый мутный предмет на свете. На втором курсе я чудом сдал ему экзамен. Курсовую работу за меня одноклассник написал за пятнадцать рублей. Сам бы я ее не осилил. Так получилось, что я с самого начала запустил теоретическую механику и уже через месяц не мог понять, о чем на уроках говорят.

Короче, препода усекли, чем мы занимаемся и где находится моя рука. Один из них усмехнулся и пошел в главное фойе, а Инютин скривился, словно лимон съел, и поспешил на второй этаж.

Раздался звонок на перемену. Я наскоро попрощался с девушкой, договорился встретиться после уроков и ушел. Началась вторая пара, и меня прямо с занятий вызывают к заведующей механическим отделением Вере Ефимовне, женщине властной и бескомпромиссной.

Захожу. У стола Веры Ефимовны сидит наша классная руководитель, бледная, чуть живая. Она и так-то малокровная была, а тут вообще побелела, хоть «скорую помощь» вызывай.

Вера Ефимовна с порога набросилась на меня:

– Ты что, с ума сошел? Ты что себе позволяешь?

Я сначала не понял, о чем речь, стал оправдываться:

– Проспал. Прогулял пару. Наверстаю.

Она как завопит:

– Ты дурачком не прикидывайся! Пару он проспал! Зачем ты, подлец, гражданке республики Шри-Ланка под кофточку залез? Международный скандал устроить хочешь?

Тут я почувствовал, как у меня внутри что-то оборвалось. Я пролепетал:

– Никакой гражданки Шри-Ланка не знаю. С девушкой из Молдавии в фойе стоял, а к иностранкам даже близко не подходил.

Вера Ефимовна аж пятнами покрылась от гнева:

– Эта твоя «девушка из Молдавии» – первокурсница из республики Шри-Ланка Индира Сингх. Ей 28 лет. Она – мать двоих детей. Сына с дочкой дома оставила, с мужем, а сама к нам учиться приехала.

Я почувствовал себя оплеванным. Словами не передать, как мне обидно было. Прикинь: ей 28 лет, а мне – 18, но я в полутьме ничего не понял и решил, что Индира младше меня. Индира! Представь, ее зовут Индира, а мне послышалось Ирина. Если бы я... Ай, да что там говорить! Замечу в свое оправдание, что меня с толку сбила ее грудь: небольшая, упругая. У матери двоих детей такой упругой груди быть не должно.

Вера Ефимовна хотела еще что-то сказать, но тут наша классная стала заваливаться на бок. Обморок! Вызвали врача из медпункта. Пока классную приводили в чувство, Вера Ефимовна вынесла решение:

– Если иностранка пожалуется, мы тебя отчислим. Если она над твоими ухаживаниями посмеется и конфликта раздувать не будет, то считай, что тебе повезло. Я могла бы тебя прямо сейчас из техникума отчислить, но мне тебя, сироту, жалко.

Неделю я жил как в тумане, ждал, пожалуется Индира или нет. Пронесло, повезло, прокатило! С того дня я близко к иностранцам не подходил. Если встречал Индиру в техникуме, то старался затеряться в толпе. Если мы нос к носу сталкивались в общежитии, то я делал вид, что не знаю ее, в первый раз вижу. Даже сейчас, когда вспоминаю разборки у Веры Ефимовны, у меня в животе что-то вниз опускается и тошнота к горлу подходит.

– Вы жили в одном общежитии, и ты до встречи в фойе ни разу ее не видел?

– Она не к 1 сентября приехала, а запоздала. С детьми, наверное, долго прощалась. Потом с Индирой еще один парень чуть не влетел. Хорошо, что я его вовремя предупредил. Он тоже подумал, что она из Молдавии или с Украины. Индира, она миниатюрная такая, улыбка обворожительная, застенчивая, а у самой двое детей в городе Коломбо остались.

Тимоха, вспомнив, как стоял на краю жизненной катастрофы, налил еще вина и, не приглашая меня, выпил.

– Андрей, если не секрет, зачем тебе эти иностранцы сдались? Смерть Жан-Пьера Пуантье расследуешь? Так он от инфаркта умер, даже справка от врача есть.

– Откуда тебе известно о его гибели? – с подозрением спросил я.

– Парней из техникумовского общежития встретил. Они говорят: «Кончился Жан-Пьер, от сердечного приступа скопытился!» Он ведь всю общагу до поры до времени в страхе держал, а оказалось, что «моторчик» у него бракованный, маломощный. А сколько понтов было! Каких только небылиц он о себе не рассказывал, пока Санек не приехал.

– Ты про куклу вуду слышал? – доверительно спросил я. – На месте обнаружения его трупа была кукла вуду с иглой в сердце. Мое руководство заинтересовалось, не могла ли эта кукла иметь отношение к его смерти.

– Кукла – фигня! Жан-Пьер в магию не верил. Материалист!

– Ты учти, что про куклу вуду я только тебе рассказываю. Если кому-нибудь сболтнешь, мне не сносить головы. Начальство на куски разорвет и по свалкам разбросает, чтобы я своей болтливостью советскую милицию не позорил.

– Об этом даже не думай! – заверил приятель. – Я же не маленький, понимаю, что можно говорить, а что нет. Я тебя вроде никогда не подводил и сейчас не подведу.

– Расскажи про Пуантье, – попросил я.

– Появление иностранцев повергло всех учащихся в техникуме в шок. Представь, настоящие живые негры приехали учиться в обычный техникум в Сибири. Не в Москву приехали, не в Ленинград, а к нам, в провинцию, в глушь! Самое первое, в чем мы наглядно убедились, это что не у всех африканцев кожа одинакового цвета. У уроженцев тропической Африки она черная, как гуталин. У тех, кто родился к северу от экватора, кожа черная с лиловым оттенком. У выходцев с Западной Африки кожа темно-коричневая. Гвинейцы, по большому счету, не чернокожие, а коричневокожие. Они африканцы, у них негроидные черты лица, но кожа не черная, а цвета кофе с молоком. Ладонки и ступни у африканцев розовые, как пяточки у русского младенца. Естественно, возник вопрос: а кое-что у мужчин-африканцев какого цвета? Что ты смеешься? Ты марсиан на карикатурах видел? Они все бесполое, а тут реальные живые люди, у которых кожа черная, а ладонки розовые. Один парень предложил: «Давайте я, когда африканец зайдет в туалетную кабинку, из другой кабинки через перегородку перегнусь и посмотрю, что у него да как.

Я искренне засмеялся:

– Ты какие-то дикие истории рассказываешь!

Тимоха обиделся:

– Посмотрел бы я на твою физиономию, когда ты на учебу пришел и узнал, что будешь с африканцами в одном здании учиться. Это тебе не демонстрацию американских негров по телевизору смотреть, это все – в реальной жизни. Идет негритянка по техникуму – у парней разговоры стихают, все на нее смотрят.

У африканских женщин ягодицы чуть ли не под прямым углом выпирают, а грудь такая, что, если она тебя обнимет, ты руки не сможешь на ее спине свести.

Но все это было месяца три, не больше. Потом к африканцам постепенно привыкли и начали с ними общаться. Первыми в контакт вступили те, кто жил в общежитии. Тут-то Пуантье и выступил на первый план. Боже мой, чего он только о себе не рассказывал! Он говорил, что два года воевал в Анголе против УНИТА² в составе межафриканской добровольческой бригады. Что у него боевых наград не меньше, чем у Брежнева. Он даже орден какой-то показывал, говорил, что ангольский президент наградил его за особую доблесть. Потом Пуантье осмелел, и его рассказы стали откровенно натуралистическими и настолько дикими, что в них трудно было поверить. Он говорил, что после взятия каждого поселка, подконтрольного УНИТА, они расстреливали всех мужчин, а женщин зверски насиловали. Молодых мужчин и мальчиков тоже насиловали, а потом убивали. Как-то он рассказал, что к ним в плен

---

² УНИТА – национальный союз за полную независимость Анголы. Антимарксистская партия, противостоящая правительственным силам Анголы в 1975–2002 годах.

попал один из видных командиров УНИТА и они его съели, чтобы стать сильнее и заполучить все лучшие качества побежденного врага.

Ты видел Пуантье? На него посмотришь и поверишь, что он человечину ел. Короче, к Новому году все в общежитии боялись Жан-Пьера. Мужик он здоровенный, любого голыми руками на куски разорвет, а тут еще рассказы о его зверствах на войне. Поговаривали, что он наших девчонок насилует, но официально на него никто не жаловался. Понимали, что толку от заявления в милицию не будет. Кто его, иностранца, героя войны против колониализма, к ответственности привлечет? Заявительницу пристыдят, скажут: «Сама африканца спровоцировала, а теперь от него компенсации хочешь?»

Пуантье был из очень состоятельной семьи. Он как-то пачку долларов из пиджака достал. Все, кто рядом был, бросились врассыпную. Доллары! Прикоснешься – в тюрьму посадят. Нам доллары в руках держать запрещено, а ему – можно. Ему много чего было можно. Он себя местным царьком чувствовал, пока в прошлом году Санек не приехал.

Санек – тридцатилетний худой болезненный гражданин Гвинеи-Бисау. Рост – 165 сантиметров, руки тонкие, как у дистрофика. Как его на самом деле зовут, не знаю. Русским он представлялся как Санек. Потом ему дали кличку «Медоед». Барсук-медоед – самое бесстрашное животное в Африке. Он даже львам дорогу не уступает. Если его хищники искусают, то он полежит час-другой и встает как ни в чем не бывало.

Санек послушал, послушал, какие небылицы про Пуантье по общежитию ходят, и говорит: «Он все врет! Его и близко в Анголе не было. Я в межафриканской бригаде пять лет воевал. Всех до единого бойцов знаю, а его не видел».

Жан-Пьер аж взбесился, как об этом узнал. Вызвал Саньку на разборки в мужской туалет. Говорит: «Что ты за слухи обо мне распускаешь? Был я в Анголе, воевал. Вот, посмотри, след от пули».

Пуантье задрал рубашку, а там, на ребрах, рубец от пулевого ранения. Санек засмеялся: «Если бы тебя в Анголе ранили, то ты был бы занесен в «Книгу Доблести» межафриканской бригады. У тебя есть выписка из Книги? Нет? А что есть? Орден? Такие ордена по всей Африке для европейских туристов продают».

Жан-Пьер не сдается: «Мы с тобой на разных участках фронта были. Выписку я не взял, раненый в госпитале был, а потом унитовцы в наступление перешли, и мои документы о награждении затерялись».

Санек отвечает: «Я в штабе разведки бригады служил, во всех боевых подразделениях был. Тебя бы, гориллу безмозглую, точно приметил».

Заметь, им, африканцам, обзываться друг на друга можно. Нашего же парня за безобидную «обезьяну» отчислили.

Пуантье надоело выслушивать эту хулу, подрывающую его авторитет. Он схватил Саньку за шиворот, приподнял на полметра над полом, поднес к окну и говорит: «Если ты не заткнешься и не прекратишь на меня клеветать, я тебя, мартышку недоделанную, в окно выброшу с пятого этажа, и все в общежитии подтвердят, что ты сам выбросился, так как у тебя после войны психика нарушена».

Санек поболтал ногами над полом, помолчал. Пуантье его отпустил. Дал несильную затрещину и посоветовал больше ему дорогу не переходить. После этого случая все в общежитии решили, что Санек – завистник и лгун, а Пуантье действительно герой войны, насильник и людоед.

Но не тут-то было! Санек никогда не сдавался. Он пошел в магазин, купил табурет, отломал у него две ножки. В мастерских отпилил ненужное, обточил рукоятки, просверлил дырки, продел веревку и сделал примитивные нунчаки. Встретились они в коридоре общежития. Санек нунчаками взмахнул и так врезал Пуантье в лоб, что тот с копыт слетел и на пол рухнул без чувств. Санек подошел, плюнул ему в лицо и говорит: «Жаль, я тебя, ублюдка, в Анголе

не встретил. Я бы тебе за то, что оскверняешь память героев нашей бригады, голову бы отрезал и на кол насадил, чтобы другим неповадно было».

Пуантье отлили водичкой, помогли спуститься на первый этаж в медпункт. Оттуда на «скорой» – в травмпункт. Голову немного подлатали и отправили на две недели в больницу. Врачам Пуантье сказал, что поскользнулся в туалете и упал на острый край подоконника. Милицию вызывать не стали. Если иностранец не хочет говорить правду, кто ему голову чуть не проломил, значит, так тому и быть.

У Пуантье оказался на редкость прочный череп. У другого бы на его месте голова лопнула, как спелый арбуз, а ему – ничего! Даже трещины не было. После больницы Пуантье вернулся притихшим, царьком себя больше не чувствовал. Злобу на Саньку затаил, планы о мести строил, но в открытую против него не выступал.

Самуэль, самый авторитетный из иностранных студентов, понаблюдал за Пуантье и говорит: «Клянусь партбилетом, если ты, Жан-Пьер, не успокоишься, мы, уроженцы Западной Африки, напишем коллективное заявление в КГБ и потребуем твоей высылки из СССР как скрытого сторонника УНИТА и южноафриканского шпиона».

Пуантье послал его матом, но с Саньком больше в конфликт не вступал. Других африканцев обижал, любому русскому мог затрещину отвесить, но с гвинейцами больше не связывался. Особенно с Саньком Медоедом.

– На каком языке они между собой говорили? – спросил я.

– На русском. У конголезцев и гвинейцев разные языковые группы. На родном языке между собой они бы общаться не смогли. Пуантье свободно говорил на французском, а Самуэль и Санек – на португальском. Были бы они из Республики Гвинея, то учили бы в школе французский и могли бы на нем с Жан-Пьером говорить, но Гвинея-Бисау – это бывшая португальская колония. Французский и английский языки там являются иностранными. Остается наш, великий и могучий русский язык.

Мы допили остатки вчерашнего вина, поговорили на заводские темы. На прощание Тимоха сказал:

– Я иностранцев сторонился, общаться с ними боялся, а Леха с самого начала с ними в общаге жил, с Самуэлем дружеские отношения поддерживал, в шахматы играл, о марксизме спорил. Поговори с ним, он тебе много чего может рассказать. Если получится, с Вероникой поговори.

– Леха со мной откровенничать не будет.

– Будет! – заверил приятель. – Я его не раз в трудных ситуациях выручал, так что он в позу не встанет, расскажет все как миленький.

– Почему ты считаешь, что об иностранцах лучше поговорить с Вероникой, а не с Шутовой? Они же обе в общежитии жили.

– Жили! – усмехнулся Тимоха. – Шутова, как мышь, за венником сидела, а Вероника любовь с мужиком из Гамбии крутила, за что и пострадала. Она же на заочное отделение не по доброй воле перешла – директор техникума заставила.

8

В понедельник, после обеда, в Центральном РОВД я встретился с Кискоровым.

– Порожняк! – в первые минуты знакомства заявил он. – Невозможно расследовать дело, если нельзя опросить основных свидетелей. Бесплезно искать черную кошку в темной комнате. Тебя-то как к этому делу подпрягли? Район ведь не ваш.

Я ответил что-то о произволе начальства, о стремлении руководства заткнуть все дыры молодежью. Кискоров понял, что я недоговариваю, но развивать тему не стал.

– Начнем с куклы? – предложил он. – Кукла у меня, мне кажется, что она больше никому на свете на фиг не нужна. Тряпка, бессмыслица. Если эту куклу рассматривать без показаний соседей Пуантье по этажу, то ее информационная ценность – нулевая.

Он достал из сейфа куклу, выложил передо мной на стол. Кукла была сделана из трех больших мужских носовых платков в клетку. Первый платок скрутили трубочкой, верхнюю часть перевязали кордовой нитью. На кончике платка черным фломастером нарисовали две большие точки, обозначающие глаза. Второй платок также был свернут трубочкой и пропущен через «грудь» куклы. Концы платка были завязаны узлами. Выступающие из узелков части материи должны были изображать кисти рук. Третий платок был размещен в нижней части «туловища» куклы и являлся ее ногами. Концы платка были завязаны аналогично «рукам», обозначали ступни ног человека. Посредине «туловища» кукла была перехвачена кордовой нитью с распущенными концами. Нитью тело куклы было разделено на верхнюю и нижнюю части. На мой взгляд, усмотреть в комбинации из трех носовых платков куклу было затруднительно, но все меняла игла. Большая «цыганская» игла насквозь протыкала «грудь» куклы, скрепляя ее «руки» с туловищем. Выступающая часть иглы была длиной пять сантиметров, заканчивалась круглым деревянным набалдашником.

– Платки хлопчатобумажные, – прокомментировал исследование куклы Кискоров, – продаются в любом киоске Союзпечати. Игла обычная из швейного набора. Наконечник изготовлен из бусинки от дешевой бижутерии, скреплен с иглой клеем «Момент».

– Почему ты решил, что это кукла вуду? – спросил я.

Кискоров засмеялся:

– Наверное, потому, что рядом с ней лежал мертвый негр! Если бы потерпевший был нашим соотечественником, я бы на эту конструкцию внимания не обратил, а так... Гляжу: кукла! Вуду! С иглой в груди.

– Ты не интересовался, для чего нужна такая кукла? Для каких-то магических обрядов?

– Для мести. Если произнести определенные заклинания, положить куклу в круг из зажженных свечей, то душа твоего врага переместится в нее. Пронзаешь грудь куклы иглой, и твой враг тут же умирает от разрыва сердца. Можно воткнуть в куклу много небольших игл. Тогда враг будет умирать долгой, мучительной смертью. У него станет отказывать один внутренний орган за другим. Главное – заклинания знать и правильно провести обряд переселения души. Преподаватель истории зарубежных стран из нашего университета, рассказывая о кукле вуду, особенно подчеркнул, что если у куклы нарисованы глаза, а грудь проткнута большой иглой, то враг умрет мгновенной смертью и в последний момент своей жизни будет видеть, как тело его падает на землю, то есть низвергается в ад.

– У африканских язычников есть понятие ада?

– Ад у всех верующих есть, только у каждой религии он свой. У нас черти грешников в котлах варят, у африканцев бегемоты и крокодилы тело терзают.

Я повертел куклу в руках и вернул ее инспектору. Информационной ценностью она обладала минимальной, близкой к математическому нулю.

– Держи! – Кискоров вынул из сейфа список всех иностранных студентов пищевого техникума. – Не думаю, что пригодится, но кто его знает! Мне запретили к ним близко подходить, а тебе...

– Поехали в техникум! – предложил я.

Учебный корпус пищевого техникума состоял из двух зданий, соединенных между собой зимним переходом. Главный, четырехэтажный корпус выходил фасадом на оживленную улицу. Начинался он с просторного фойе. Слева от входа были столовая и спортзал. В спортзале я для приличия постоял в углу, в котором в день смерти кого-то высматривал Пуантье, ничего в пустом помещении не увидел, и мы пошли дальше. У гардероба я замедлил шаг, из любопытства взглянул на фойе перед входом в библиотеку и живо представил, как у окна, перед дверью в классную аудиторию, Тимоха обнимал посмеивающуюся гражданку республики Шри-Ланка.

– Вахтерша не видела, как в техникум входил Пуантье? – спросил я.

– Иностранцы учатся второй год. Примелькались. Это раньше на них смотрели выпучив глаза, а сейчас они ничем не отличаются от остальных учащихся. Приходят когда хотят, бродят от аудитории к аудитории.

Второй корпус техникума был одноэтажным. Правую его часть занимали учебные мастерские, где Санек Медоед изготовил нунчаки, в левой располагался кабинет машин и оборудования предприятий пищевой промышленности.

Занятий в кабинете не было. Ключом, полученным у вахтерши, Кискоров открыл дверь, пропустил меня вперед. Кабинет состоял из двух больших помещений. Первое, располагавшееся сразу от входа, было обычным учебным классом с партами и классной доской. Всю свободную стену занимала схема производства пива, от первой стадии – размельчения солода до последней – разлива готового напитка в бутылки.

– С похмелья, наверное, в этом классе приятно сидеть, – пошутил коллега. – Смотришь на стену и представляешь, как после уроков пропустишь бутылочку-другую холодного пивка.

Второе помещение было уставлено оборудованием, предназначенным для выпечки хлеба. Ни машины, ни импортный аппарат для взбивания меланжа меня не заинтересовали. Почти все из них я видел на хлебокомбинате. Из помещения для оборудования неприметная дверь вела на улицу.

– Вот тут он лежал, – показал на дверной проем между кабинетами Кискоров. – Лицом вниз, головой по направлению к тестоделительному агрегату. Кукла была здесь, как бы сидела вот на этой выступающей части.

Я осмотрелся. Представил, что в дверном проеме лежал мужчина внушительного роста.

– Здесь, в учебном классе, негде спрятаться, – сделал я вывод.

– Я тоже так думаю, только кому это надо! – усмехнулся Кискоров. – Если конголезское консульство шума поднимать не будет, то поедет покойничек на родину в цинковом гробу, а убийца останется разгуливать на свободе.

– Их было двое, – не обращая внимания на скептицизм коллеги, сказал я. – Первый преступник открыл дверь своим ключом, пропустил африканца вперед. Жан-Пьер вошел в проем. Второй преступник преградил ему путь, показал куклу вуду с иглой в груди. На секунду Пуантье замер, соображая, что происходит, и получил удар током в спину от первого участника убийства. Их было двое, не меньше! Как ты думаешь, зачем они оставили куклу на месте преступления? Без нее картина убийства была бы более запутанной.

– А с куклой что, легче стало? Такую примитивщину из трех носовых платков может изготовить любой ученик начальной школы. Кукла наводит на мысли об Африке, но это совершенно излишнее. Потерпевший был негром, иностранцем. Понятно, что куклу изготовили специально для него, а вот зачем – это вопрос. Пуантье был материалистом. Древних магических обрядов не боялся. Да и как он мог их бояться, если они, на мой взгляд, не что иное, как выдумка для падких на сенсацию европейских журналистов? Представь, что каждый,

кто знает заклинания, может с помощью куклы вуду убить любого своего врага. Посмотрел сосед на твою жену с хитрым прищуром – ты его душу в куклу переселил и иголкой прищиплил. Через неделю в деревне никого не останется. Одни куклы будут по хижинам сидеть.

– Не буду спорить, но есть один момент, который не вписывается в теорию тотального уничтожения соседей с помощью тряпок и иголок. Шаманы коренных народов Севера и Сибири впадают в транс после поедания мухоморов и плясок у костра. Согласись, любой тунгус может наестся галлюциногенных грибов и попрыгать с бубном перед соплеменниками, но никто, кроме шамана, этого не делает. Самозванцу не поверят, а к шаману прислушиваются даже сейчас, в век телевидения и радио.

– Есть логика в твоих рассуждениях! Мог Пуантье бояться африканских колдунов. Но откуда бы у нас взялся такой колдун? Купил билет из Бразавиля и прилетел в Сибирь? В дикарской одежде из шкур леопарда, с чучелом ящерицы-игуаны на голове? Шаманы у костра в пиджаках и отглаженных брюках не прыгают.

Мы, не сговариваясь, оставили бесполезный спор и пошли к выходу. В фойе я спросил, где находится мужской туалет. Кискоров показал на дверь напротив вахты. Туалет встретил меня надписью во всю стену: «Пусть стены нашего сортира украсят юмор и сатира!»

Следуя призыву инициативного автора, учащиеся техникума разрисовали стены туалета карикатурами и похабными рисунками. Были здесь и изречения на философские темы, и предупреждения о развратном поведении некоторых девиц. Если не обращать внимания на веселый призыв разрисовать стены, то интерьер мужского туалета техникума ничем не отличался от подобных помещений в любом техникуме или ПТУ, где каждый ученик старался выплеснуть эмоции на стены. Если в учебное время заняться «наскальной» живописью не удалось, можно было разрисовать стены подъезда, в котором жила любимая девушка или парень, к которому ты испытывал неприязнь. Подъездные надписи были более скучными по сравнению с надписями в туалетах. В подъездах в основном признавались в любви или угрожали отомстить за измену, но и философские изречения тоже встречались.

В кабинке, куда я зашел, над унитазом был написан популярный стишок на политическую тему. Автор четверостишия утверждал, что он не будет справлять малую нужду до тех пор, пока чилийские власти не освободят Луиса Корвалана. Что поразительно: генерального секретаря ЦК компартии Чили обменяли на какого-то диссидента в 1976 году, а стишки с призывом освободить Корвалана появлялись до сих пор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.